

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет

На правах рукописи

ЛИ ЧЖУХОНГ

КАТЕГОРИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
С ВИДОМ И МОДАЛЬНОСТЬЮ

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10. 02. 01 – русский язык

Научный руководитель –
д. ф. н., проф. Петрухина Е. В.

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Теоретические основы исследования. Изучение категорий времени, вида и модальности в их взаимодействии в русском языке	14
1. Вступление	14
2. Взаимодействие между категориями вида и времени	14
3. Взаимодействие между категориями наклонения и времени	18
4. Будущее время: взаимодействие вида и времени	20
5. Реализация идеи времени в функциональной и коммуникативной грамматике: темпоральность, таксис и временная локализованность	23
6. Взаимодействие будущего времени с модальностью	25
7. Изучение категории модальности в лингвистике	27
7.1. Модальность как синтаксическая категория	27
7.2. Модальность как функционально-семантическая категория	28
7.3. Семантика категории модальности	28
7.3.1. Субъективная и объективная модальность	28
7.3.2. Другая точка зрения на субъективную и объективную Модальность	30
7.3.3. Модальность как объективно-относительная категория	32
7.4. Семантика модальности в Теории функциональной грамматики	32
7.5. Классификация значений модальности	35
7.6. Категория модальности и её взаимодействие с видом	39

Глава 2. Количественный анализ употребления форм простого и аналитического будущего	42
1. Вступление	42
2. Количественные данные об употреблении видо-временных форм	42
2.1. Частотность глаголов СВ и НСВ в НКРЯ	42
2.2. Частотность глаголов НСВ в форме будущего времени с разной морфемной структурой	49
2.3. Количественный анализ употребления форм будущего времени глаголов СВ и НСВ в НКРЯ	52
2.3.1. Анализ частотности употребления форм будущего времени при помощи системы Google-Books-Ngram	54
2.4. Количественный анализ частотности форм аналитического будущего с производными глаголами НСВ и вторичными имперфективами	60
2.4.1. Грамматика конструкций: коллокационный анализ	61
2.4.2. Сопоставление частотности употребления в НКРЯ производных глаголов НСВ и вторичных имперфективов в форме аналитического будущего	62
2.4.3. Сопоставление частотности употребления производных глаголов НСВ и вторичных имперфективов в форме аналитического будущего при помощи системы Google-Books-Ngram	68
2.4.4. Объяснительный анализ разной частотности изучаемых форм	72
3. Выводы	75
Глава 3. Модальные значения глагольных форм будущего времени в русском языке	77
1. Характеристика будущего времени с точки зрения семантики модальности	77
2. Типы модальных значений форм будущего времени	79
3. Анализ употребления форм будущего времени с точки зрения модальности	83

3.1. Эксплицитное / имплицитное выражение модальности	83
3.2. Соотношение типов модальности	86
3.3. Ослабление модальности	91
3.4. Модальные значения форм будущего времени в зависимости от форм лица	92
3.4.1. Модальные значения форм будущего времени 1-ого лица	94
3.4.2. Модальные значения форм будущего времени 2-ого лица	96
3.4.3. Модальное значение форм будущего времени 3-его лиц	98
4. Выводы	100
Глава 4. Взаимодействие вида и модальности в русском языке в зеркале корейского языка	104
1. Вступление	104
2. Различия в выражении времени и аспектуальных значений между русским и корейским языками	104
3. Сопоставление корейских и русских эквивалентных предложений, выражающих действия в будущем	108
4. Выводы	127
Заключение	129
Библиография	135

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию взаимодействия граммы будущего времени с категориями вида и модальности в современном русском языке. В российской лингвистике связи между грамматическими категориями глагола являются традиционным вопросом грамматики. В [РГ-1980] этому вопросу посвящен специальный раздел, так как «глагол отличается от других частей речи особенно многосторонними и многообразными связями между своими морфологическими категориями» [РГ-1980: 641], однако целый ряд аспектов этой проблематики с нашей точки зрения требует дополнительного изучения.

Вопрос о взаимодействии категорий в плане будущего времени находится на пересечении нескольких областей грамматики и семантики, изучаемых в целом ряде исследований, идеи, методы и результаты которых в значительной степени определили облик нашей диссертационной работы.

Это исследования:

– Петербургской школы функциональной грамматики (работы А. В. Бондарко, Ю. С. Маслова, Е. В. Горбовой, Ю. П. Князева, Е. Ю. Парешнева, В. С. Храковского);

– группы «Логический анализ языка» под руководством Н. Д. Арутюновой (работы Н. Д. Арутюновой, Е. М. Лазуткиной, Т. Б. Радбиля);

– работы в области славянской аспектологии и русской грамматики (Ю. Д. Апресяна, А. В. Исаченко, Е. В. Петрухиной, О. П. Рассудовой, С. Г. Татевосова, А. Л. Шарандина и др.);

– исследования семантики категории модальности (И. Г. Агеевой, В. Д. Ауверы, В. В. Виноградова, В. Д. Климонова, Т. И. Красновой, А. М. Ломова, Ф. Р. Палмера, В. А. Плунгяна, Ю. С. Степанова, А. Д. Шмелева);

– работы в области корейской аспектологии (О. А. Трофименко, Ли Ик Сопа, Ли Чже Сопа);

– некоторые положения и исследования теории Грамматики конструкций, в частности коллострукционного анализа (Collostructional analysis)

Актуальность исследования определяется недостаточно исследованными вопросами взаимодействия будущего времени с видом и модальностью.

Особенно тесные связи – как парадигматические, так и функциональные – существуют между категориями вида и времени, которые рассматриваются в работах многих российских лингвистов: В. В. Виноградова, Ю. П. Князева, Е. В. Падучевой, Е. В. Петрухиной, В. С. Храковского, А. Л. Шарандина и др. Но и в вопросе взаимодействия глагольных категорий вида и времени остаются аспекты, требующие дополнительного изучения с привлечением новых методов корпусной лингвистики и количественного анализа. Эти методы позволяют определить частотность форм будущего времени в зависимости от вида и, кроме того, от морфемной и словообразовательной структуры глагола. Последний вопрос, насколько нам известно, в лингвистике специально не изучался.

Большое значение для работы имеет также анализ взаимодействия будущего времени и модальности. Специфика плана будущего времени, в котором выражаются действия еще не осуществленные – предполагаемые, планируемые, желаемые и др., определяет связь форм будущего времени с модальностью. Об этом пишут все исследователи будущего времени: Н. Д. Арутюнова, А. Б. Бондарко, В. В. Виноградов, Е. М. Лазуткина, Е. В. Петрухина, В. А. Плунгян, Т. Б. Радбиль и др. Но и в данной проблематике есть вопросы, нуждающиеся в дополнительном изучении, а именно имплицитное выражение формами будущего времени разнообразных модальных значений, их типы, а также зависимость выражения модальной семантики от межкатегориальных связей изучаемых форм и условия ослабления их модальности. Анализ связи форм будущего времени с модальностью в русском языке способствует сопоставлению русского языка с корейским, где действие в будущем времени и аспектуальные значения выражаются с помощью модальных показателей и конструкций.

Объектом исследования является граммема будущего времени с ее межкатегориальными связями и употребление форм будущего времени глаголов совершенного и несовершенного вида (СВ и НСВ).

Предметом исследования выступают модальная семантика и частотность форм будущего времени СВ и НСВ.

Материалом для исследования послужили предложения, в которых употребляются формы будущего времени, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Их анализ мы проводили на фоне предварительно полученных общих данных о частотности видов и форм времени, а также о частотности форм аналитического и простого будущего в пределах всего НКРЯ. Из НКРЯ было извлечено 200 контекстов с приблизительно 260 формами будущего времени, на материале которых изучались модальные значения этих форм. Кроме того, мы рассматривали частотность форм будущего времени 75 глаголов (в сопоставлении с частотностью других форм времени данных глаголов) с использованием разных моделей изучения частотности глагольных форм (подробно этот вопрос излагается во 2-ой главе).

В сопоставительном разделе диссертации анализируется около 70 русских глаголов и их корейских эквивалентов, извлеченных из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» и её перевода на корейский язык, а также из перевода корейского романа Кун-Суук Шина «Пожалуйста, позаботься о маме» (пер. А. Е. Прохорова).

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и описать взаимосвязи граммема будущего времени с видом и модальностью в русском языке (с учетом данных корейского языка).

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих исследовательских **задач**:

1) проанализировать и сопоставить частотность форм простого и аналитического будущего в русском языке на материале НКРЯ;

2) исследовать частотность употребления синонимичных глаголов НСВ (входящих в «видовые тройки» простых непроезводных глаголов и вторичных имперфективов) в форме аналитического будущего;

3) изучить связь форм будущего времени с модальными значениями и выявить типы этих значений, а также условия, ослабляющие модальную окраску данных форм;

4) проанализировать связь модальной семантики форм будущего времени с категорией лица;

5) описать специфику выражения модальных значений в плане будущего времени в русском языке в сопоставлении с корейским языком.

Специфика объекта исследования и поставленные задачи обусловили выбор **методов лингвистического анализа**, основными из которых являются описательный, корпусно-количественный, сопоставительный. Для темы нашего исследования важен количественный анализ грамматических форм. Задача создания частотной грамматики русского языка, которая содержала бы количественную информацию о грамматических формах, была поставлена ещё в шестидесятые годы прошедшего века [Никонов 1959, Николаев 1960]. Эта задача не была тогда полностью решена в связи с малым объемом выборки (нерепрезентативностью) и фрагментарностью языкового материала. Однако в настоящее время, при наличии современных морфологически размеченных корпусов, эта задача может быть решена в более полном объеме. Количественные исследования морфологии русского языка с использованием методов автоматической обработки текстов являются важной и актуальной задачей современной лингвистики. С помощью таких исследований можно проверить, насколько системно-структурная грамматика и разнообразные теории об устройстве, семантике и функциях грамматических категорий соответствуют функционально-количественным данным об употреблении грамем (по отдельности и в комбинации с другими граммами) и морфологических форм в русском языке [Петрухина 2016]. Такая задача кажется

вполне реалистичной, прежде всего с точки зрения современного состояния корпусной лингвистики и наличия морфологической разметки текстов. В данном исследовании мы использовали некоторые из этих возможностей, изучая и сопоставляя частотность форм будущего времени глаголов СВ и НСВ в НКРЯ. Мы анализировали частотность употребления глагольных форм в корпусе со снятой омонимией, вводя запрос на форму *буд** (с разными окончаниями) на расстоянии до двух слов от глагола НСВ в форме инфинитива. Также мы использовали систему Google-Books-Ngram, которая содержит несколько корпусов большого объема книг на 9 языках, в том числе и на русском. В этой системе корпус книг на русском языке (2012 г.) содержит 591 310 книг (текстов).

Помимо изучения семантики и употребления конкретных глаголов СВ и НСВ в формах простого и аналитического будущего мы проводили количественный анализ употребления форм простого и сложного будущего на всем материале НКРЯ, в том числе в формах 1-го, 2-го и 3-го лица. Были проведены также другие количественные исследования, в частности соотношение значений будущего времени и настоящего обобщенного на 1000 контекстов из НКРЯ, в которых употребляется форма простого будущего СВ.

Мы использовали также методику анкетирования. 12 студентам 2-го курса филологического факультета МГУ было предложено одиннадцать произвольно выбранных высказываний с формами будущего времени для интерпретации модальных значений. Мы работали и с другими информантами, студентами 4-ого курса и сотрудниками филологического факультета МГУ.

Для изучения особенностей взаимодействия времени и модальности в русском языке, как уже было сказано, мы провели сопоставление текста пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехова с его корейским переводом, а также текста корейского романа Кун-Суук Шина «Пожалуйста, позаботься о маме» с его русским переводом (пер. А. Е. Прохоровой).

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертационной работе анализируется модальная семантика будущего времени в русском языке

с позиций нерусского (корейского) языкового сознания – в корейском языке при передаче будущих действий эксплицитно выражается их модальная интерпретация, а футуральная и аспектуальная характеристики действия не относятся к обязательно выражаемым значениям и во многих случаях вытекают из модальности. Кроме того, новым в работе является применение количественных методов изучения частотности форм простого и аналитического будущего, а также разных типов аналитической формы будущего (с простым и вторичным имперфективами).

Теоретическая значимость исследования определяется изучением типов имплицитной модальности форм будущего времени в русском языке, выявленных в том числе и при помощи сопоставления с корейским языком, а также условий ослабления модальной окраски данных форм. Кроме того, применив количественные методы изучения частотности форм будущего времени в зависимости от вида глагола, мы поставили теоретический вопрос о соотношении характеристик этих форм в системно-функциональной грамматике с полученными данными об их частотности употребления.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы и результаты могут быть использованы в практике преподавания грамматики современного русского языка, прежде всего в корейской аудитории. Особенно трудным для корейских учащихся является выбор формы простого или аналитического будущего, а также возможность выразить модальную характеристику действия в плане будущего времени.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формы простого будущего в русском языке употребляются значительно чаще, чем формы аналитического будущего (на материале всего корпуса частотность форм простого будущего превышает частотность форм аналитического будущего в 14,7 раз). В зависимости от лексического значения глагола разница в частотности СВ и НСВ в плане будущего времени может вырасти до 200 раз (у глаголов моментального действия типа *найти / находить*).

2. Частотность форм аналитического будущего зависит от морфемной структуры глагола НСВ и его аспектуальной парадигматики. Вторичные имперфективы из видовых троек в форме аналитического будущего употребляются крайне редко (в НКРЯ многие из них совсем не представлены).

3. Формы будущего времени глаголов СВ и НСВ в русском языке выражают 1) эпистемическую, 2) волитивную и 3) потенциальную модальность. Была выявлена бóльшая частотность в плане будущего времени первой и второй разновидности модальности (уверенность, намерение или желание).

4. Модальное значение намерения чаще выражается в формах будущего времени 1-ого лица, модальное значение уверенности – в формах будущего времени 3-го лица. Употребление форм будущего времени НСВ и СВ без модальных значений чаще встречается в формах 3-его лица.

5. В сложноподчиненных предложениях с придаточным условия и с придаточным времени модальность форм будущего времени может ослабляться. Модальная окраска отсутствует при относительном употреблении форм будущего времени в контексте прошедшего времени со значением «будущее в прошлом».

6. В русском языке при выражении будущих действий с помощью категории вида актуализируются аспектуальные характеристики действия, а модальность эксплицитно может не выражаться. В корейском же языке, напротив, именно модальные значения – уверенность, намерение, желание, возможность – получают эксплицитное выражение, а аспектуальные характеристики вытекают из общего контекста и могут остаться неопределенными.

7. Русские результативные глаголы СВ (из текста пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня») во многих случаях были переведены на корейский язык с показателями модального значения уверенности, а корейские модальные конструкции с глагольной формой непрошедшего времени (из корейского романа «Пожалуйста, позаботься о маме»), выражающие значение уверенности, чаще всего

переводятся на русский язык формами простого будущего, что выявило более тесную связь модального значения уверенности с глаголами СВ (чем НСВ).

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались на V конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов «Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития» (г. Киото, Университет Киото Сангё, 13-15 ноября 2015 г.), а также на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ.

По теме исследования опубликовано 4 научных работы – статьи и тезисы доклада на международной конференции и в журналах, в том числе и 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Данная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка. Библиографический список включает в себя 166 наименований. Общий объем исследования – 147 с.

Во введении обосновывается актуальность исследования, названы объект, предмет, языковой материал и методы исследования, сформулированы цель и задачи диссертационной работы, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе представлены теоретические основы диссертационной работы. Рассматриваются исследования, посвященные вопросу о взаимодействии грамматических категорий глагола, а также исследования категории модальности: ее семантической специфики и взаимодействия с другими глагольными категориями.

Вторая глава посвящена вопросу о взаимодействии категории вида и граммы будущего времени. Анализируется частотность употребления форм будущего времени в зависимости от вида глагола и частотность употребления синонимичных глаголов НСВ в форме аналитического будущего, различающихся морфемной структурой (простые производные глаголы и вторичные имперфективы).

В третьей главе освещается вопрос о взаимодействии будущего времени и категории модальности. Рассматривается имплицитное выражение формами будущего времени разнообразных модальных значений, их типы, а также зависимость выражения модальной семантики от межкатегориальных связей изучаемых форм и условий ослабления модальных значений.

Четвертая глава посвящена сопоставлению русско-корейского и корейско-русского переводов двух литературных произведений с точки зрения темы исследования. На материале русско-корейских и корейско-русских переводов изучается взаимосвязь будущего времени и модальных значений, а также взаимосвязь модальности и лица.

В заключении содержатся основные результаты, выводы и определяются возможные перспективы дальнейшего исследования.

Глава 1. Теоретические основы исследования. Изучение категорий времени, вида и модальности в их взаимодействии в русском языке.

1. Вступление

В российской лингвистике связи между грамматическими категориями глагола являются традиционным вопросом грамматики. В [РГ-1980] этому вопросу посвящен специальный раздел, так как «глагол отличается от других частей речи особенно многосторонними и многообразными связями между своими морфологическими категориями» [РГ-1980: 641].

Между грамматическими категориями глагола существуют парадигматические и функциональные связи, которые характеризуют взаимодействие этих категорий как особого рода единства. Каждая из морфологических категорий глагола может вступать в несколько единств. Наиболее тесные связи наблюдаются между категориями вида и времени, наклонения и времени. Такое взаимодействие объясняется семантическими причинами, а именно наличием общего семантического компонента у сопряженных категорий. Так, взаимосвязь категорий вида и времени предопределяется тем, что они по-разному отражают общую идею времени [Маслов 2004: 306-310], а взаимосвязь категорий времени и наклонения вытекает из того, что реальность ситуации реализуется в конкретной временной отнесенности [Храковский, Володин 1986: 64, 65, 68].

2. Взаимодействие между категориями вида и времени

Взаимодействие вида и времени четко проявляется в парадигматике. В [РГ-1980] во временной парадигме выделены четыре формы времени: формы прошедшего времени глаголов СВ и НСВ рассматриваются как одна временная форма; простое и составное будущее – как две формы; настоящее время представлено одной формой настоящего НСВ. Из этой асимметричной по отношению к виду системы временных форм вытекает, что граммема СВ не сочетается с

граммемой настоящего времени, включающей момент речи, так как между ними обнаруживается сематическое противоречие. Граммема настоящего (актуального) времени предполагает синхронное изображение ситуации, когда момент речи оказывается «внутри» выражаемого действия. А граммема совершенного вида исключает изображение действия синхронно моменту наблюдения («изнутри» описываемой ситуации).

Активное взаимодействие вида и времени также проявляется в парадигме форм будущего времени. От вида зависит не только семантика, но и тип формы будущего времени: от глаголов СВ образуется простая (синтетическая) форма – *сделает, напишет, откроет*, от глаголов НСВ – сложная (аналитическая форма) – *будет делать, будет писать, будет открывать*. Взаимодействие вида и времени проявляется также в семантике форм простого будущего, которые, как известно, могут выражать наряду с будущим временем также обобщенное, или неактуальное, настоящее. В [РГ-1980] эти формы глаголов СВ рассматриваются как формы простого (совершенного) будущего, а значения неактуального настоящего – как периферийное значение данных форм, зависящее от контекста. «Роль контекста заключается в том, что он обуславливает возможность реализации того значения, которое заложено (как побочное, периферийное) в самой форме наряду с ее основным значением» [РГ-1980: 626]. Трактовка данной формы продолжает традицию, восходящую к В. В. Виноградову, который говорит о том, что «в отличие от описательной формы будущего времени несовершенного вида форма будущего времени совершенного вида не противопоставляет будущего действия плану настоящего» [Виноградов 1972: 451]. Виктор Владимирович отмечает употребление форм простого будущего в значении настоящего (неактуального) в предложениях с отрицанием и при характеристике субъекта, когда употребляется ряд глагольных форм: [Днепр] *не зашелохнет, не прогремит* (Гоголь); *Тишина, не шевельнется ни один лист* (Чехов, "Скучная история"); *Она любит теперь, как вышивает по канве: тихо, лениво выходит*

*узор, она еще ленивее разворачивает его, любит, потом **положит** и забудет* (Гончаров, "Обломов").

Взаимодействие граммем вида и прошедшего времени реализуется в основном в синтагматике; при этом формы прошедшего времени глаголов СВ и НСВ трактуются как формы одного времени.

Благодаря тесному взаимодействию категорий времени и вида в русском языке возникла система видо-временных значений, которые выполняют несколько функций. С одной стороны, они определяют действие по аспектуальным характеристикам, а также по отношению к точке отсчета времени и относительно другого действия. С другой стороны, с помощью системы видо-временных значений говорящий выражает прагматические и тема-рематические характеристики действия. Кроме того, разные частные значения граммемы НСВ и СВ обладают разным потенциалом взаимодействия с граммемами настоящего, прошедшего и будущего времени. Этот вопрос в плане будущего времени мы анализируем в разделах 2.2. – 2.4. диссертации.

Тесное взаимодействие вида и времени ставит проблему иерархии данных категорий. Это традиционный вопрос для российской лингвистики. Так, например, грамматисты-славянофилы пришли к выводу о ведущей роли в русской глагольной системе категории вида, определяющей своеобразие глагола в целом. «Глагол в русском языке выражает самое действие, его сущность... Язык наш обратил внимание на внутреннюю сторону или качество, действия и от качества уже вывел, по соответствию, заключение о времени...» Категория вида, по мнению К. С. Аксакова, выражает «сущность самого действия», а вопрос о его времени – это «вопрос поверхностный» [Аксаков (1855) 2016: 12, 15]. Категорию времени, по сравнению с категорией вида, грамматисты-славянофилы считали морфологически не оформленной. В качестве доводов приводятся такие языковые факты: формы прошедшего времени в русском языке восходят к причастиям на -л, будущее время выражается с помощью форм презенса совершенного вида, а составное будущее было сформировано в русском

языке значительно позже, чем другие временные формы. Кроме того, по их мнению, любая русская глагольная форма может выражать разнообразные временные значения. Например, действия в прошлом и в будущем могут быть выражены формой настоящего времени: *Вчера **выхожу** из дому и вдруг **вижу** большую серую птицу. А знаете ли, что я скоро расстанусь с вами, любезные друзья? – продолжал Броницын, – я **перехожу** в школу, в кавалергарды (И. И. Панаев).* (см. об этом [Гаспаров 1999, Аксаков (1855) 2016, Некрасов 1865]) Но В. В. Виноградов и последующие грамматисты считали это мнение слишком радикальным, так как во многих случаях переносное употребление форм времени в русском языке ограничено узким кругом глаголов или определенными конструкциями [Виноградов 1972: 419].

В. С. Храковский также отмечает ведущую роль в русской глагольной системе категории вида. По мнению В. С. Храковского, между грамматическими категориями и лексикой существуют иерархические отношения, в которых глагольная лексема относится к элементам первого ранга, вид – к элементам второго ранга, а наклонение и время представляют элементы третьего ранга [Храковский 2012: 542]. Обратим внимание на то, что самое высокое положение в этой иерархии принадлежит глагольной лексеме, точнее ее основе, а вид выражается именно основой, поэтому большинство исследователей в иерархии глагольных категорий ставит вид выше времени.

При этом категории вида и времени рассматриваются как самостоятельные категории, реализующие идею времени. Категория времени выражает эту идею как локализацию обозначенного действия во времени и прежде всего как его ориентацию по отношению к моменту речи или, шире, по отношению к «*hic et nunc*, здесь и теперь» говорящего лица, т.е. локализует ситуацию во времени относительно момента речи. А категория вида, в отличие от категории времени, выражает эту идею как внутреннее, ингерентное свойство самого действия по таким признакам, как процессность / законченность, однократность / повторяемость, длительность / мгновенность, ограниченность /

неограниченность пределом и др. Об этом писали многие ученые, рассматривая время как «дейктическую», а вид как «семантическую» категории [Курилович 1972; Comrie 1976: 3-5]. Аналогично Р. О. Якобсон считал, что время представляет собой «код, включающий указание на сообщение», а значит, принадлежит к числу так называемых «шифтерных» категорий, которые включают указание или на факт речи (т. е. ситуацию порождения дискурса (или текста), или на участников этого факта), тогда как глагольный аспект не является шифтерной категорией, поскольку он, в отличие от времени, характеризует сообщаемый факт (narrated event) независимо от факта речи (или факта сообщения, narrating event) [Якобсон 1972].

Хонг Тэк-Гю отметил, что дейктичность категории времени может ослабевать при относительном употреблении, как в следующем случае, когда «говорящему показывают документальный фильм о Второй мировой войне, и он, наблюдая сцену, в которой солдаты идут на поле боя, замечает, что *из этих людей треть погибнет*» [см. Хонг Тэк-Гю 2003: 32-33]. Форма будущего здесь употреблена не по отношению к моменту речи, а по отношению к наблюдаемому событию, которое было в далеком прошлом. Подобные случаи употребления «будущего в прошедшем» мы рассматриваем в разделе 3.3.3. в связи с ослаблением модальности форм будущего времени.

3. Взаимодействие между категориями наклонения и времени

Взаимодействие наклонения и времени проявляется прежде всего в парадигматике. В [РГ-1980] отмечается парадигматическое взаимодействие: «Формы времени существуют лишь в изъявительном наклонении, но отсутствуют в сослагательном и повелительном наклонении. Формы изъявительного наклонения обязательно выражают значение того или иного времени» [РГ-1980: 642].

В. С. Храковский также говорит о парадигматическом взаимодействии категорий наклонения и времени в русском языке. Он обращает внимание на

то, что в языках с категориями наклонения и времени, как правило, в индикативе представлены все временные формы. Отсутствие временных форм у императива В. С. Храковский связывает с его презентно-футуральной рамкой: действие, которое обозначается императивной формой, либо совпадает с моментом речи (Читай = «продолжай читать» – презентная перспектива), либо должно осуществиться после момента речи (Читай = «начинай читать» – футуральная перспектива). Именно благодаря презентно-футуральной рамке существуют связи между формами императива и некоторыми временными формами индикатива: формы императива 2-ого лица единственного числа образуются от основы настоящего времени индикатива (смотри, читай-0), а некоторые императивные формы по происхождению либо восходят к формам настоящего или будущего времён индикатива, либо совпадают с ними (*идем, идемте, пусть идет, пусть идут*) [Храковский 1990: 22].

Характер взаимодействия этих категорий также ставит вопрос об их иерархическом расположении относительно друг друга. В. С. Храковский считает, что категория наклонения является доминантной категорией, а время – рецессивной, так как все формы времени в русском языке одновременно маркируют изъявительное (реальное) наклонение, не имеющее своих собственных формальных показателей. Поэтому в иерархию грамматических категорий время входит не как самостоятельная единица, а как представитель изъявительного наклонения, т. е. наклонение и время предстают не как две самостоятельные грамматические категории русского глагола, а одна категория, в рамках которой временная отнесенность выступает как способ обозначения реальности [Володин, Храковский 1977: 50; Храковский 2012: 544-545].

Но согласно мнению многих лингвистов, категории наклонения и времени – это две самостоятельные грамматические (морфологические) категории русского глагола, «которые в своей ориентации на высказывание (предложение) выступают в тесном единстве, образуя в рамках категории предикативности как

синтаксической категории функционально-грамматическое единство [Шарандин 2009б: 278]».

Исходя из темы нашего исследования мы должны более подробно рассмотреть взаимодействие вида и времени в плане будущего времени.

4. Будущее время: взаимодействие вида и времени

В формах будущего времени, как мы уже писали, наблюдается тесное взаимодействие категорий времени и вида. Многие российские лингвисты касались вопроса о семантических различиях между формами синтетического и аналитического будущего. С. О. Карцевский считал, что аналитическое будущее НСВ указывает на будущее действие, полностью отделенное от плана настоящего. Например, предложение *Она сейчас будет одеваться к обеду* означает, что действие «одеваться» ещё не началось. Предложение *Она сейчас оденется к обеду*, напротив, может означать, что действие «одеться» уже начато [Карцевский 2004: 181].

Аналогичная точка зрения на семантику форм будущего высказывается, в частности, В. В. Виноградовым: «В описательной форме будущего времени течение действия целиком относится к области будущего В отличие от описательной формы будущего времени несовершенного вида, форма будущего времени совершенного вида не противопоставляет будущее действие плану настоящего» [Виноградов 1972: 436, 448].

А. В. Исаченко также отмечает, что форма аналитического будущего НСВ выражает «разобщенность процесса с моментом речи», а форма синтетического будущего СВ оставляет это значение невыраженным. [Исаченко 1960: 444].

Некоторые лингвисты анализируют различия между формами будущего времени СВ и НСВ на основе собственных видовых значений СВ и НСВ. Такого подхода придерживается, в частности, О. П. Рассудова. Она считает, что при взаимодействии видовой и временной семантики между ними устанавливаются системные отношения, т. е. одно явление влечет за собой другое. Эти системные

отношения осуществляются и в будущем времени, т. е. форма будущего времени не теряет своего собственного видового значения. По мнению О. П. Рассудовой, форма простого будущего СВ имеет значение достижения предела: «Специфика совершенного вида, связанная с целостностью и предельностью действия, возможность акцентировать в одних случаях и не акцентировать в других достижение предела – результативность, завершенность действия проявляются в будущем времени так же ярко, как и прошедшем» [Рассудова 1968: 72-73]. А форма аналитического будущего НСВ может иметь следующие значения: 1) конкретно-процессное значение: *В июне – съезд Всероссийского общества по охране памятников архитектуры. Он будет проходить в Ленинграде.* По мнению О. П. Рассудовой, конкретно-процессное значение будущего времени выражается в том случае, когда, благодаря коммуникативной установке говорящего, внимание направляется на само действие, на его длительность, особенности протекания. 2) неограниченно-кратное значение: *Будет рано вставать и сразу же уходить на озеро.* 3) общефактическое значение: *Вы будете продолжать разработку этой темы? В этом году она будет поступать в вечерний институт.* По мнению О. П. Рассудовой, общефактическое значение будущего времени чаще всего наблюдается в вопросительных предложениях и в сложном предложении с союзом *если*. Оно более характерно для разговорной речи и чаще всего наблюдается у глаголов, допускающих представление о процессе или длительности, протяженности действия [Рассудова 1968: 74-78].

А. В. Бондарко отмечает, что форма синтетического будущего СВ имеет конкретно-фактическое значение: «значения формы настоящего-будущего совершенного – это вариант значения будущего времени, связанный с конкретно-фактическим значением совершенного вида. Например: *Сейчас хозяин придет, ужинать будем* (Панова. Рабочий поселок)» [Бондарко 1971: 90-94, 103]. В свою очередь форма аналитического будущего НСВ имеет следующие значения: 1) конкретно-процессное; 2) постоянно-непрерывное значение; 3) значение повторяющегося и обычного действия; 4) значение обобщенного факта.

Называя значения каждой из форм, А. В. Бондарко не делает выводов о предпочтительности тех или иных частных видовых значений в плане будущего времени.

По мнению Е. Ю. Парешнева, в высказываниях с формами сложного будущего времени широко представлены три частных значения НСВ: обобщенно-фактическое, конкретно-процессное и неограниченно-кратное. Он полагает, что для высказываний с формами сложного будущего времени, обладающих преимущественно информативной направленностью, наиболее типичной функцией является выражение аспектуальной семантики обобщенного факта. В будущем НСВ вершинное положение в иерархии частных видовых значений занимает общефактическое значение. Процессное и неограниченно-кратное значения характеризуются сравнительно незначительной частотностью и явно выраженной зависимостью от контекстуальных показателей и лексического значения глагола [Парешнев 2004: 19].

Ю. П. Князев согласен с исследователями [Барентсен 1973; Бондарко 1996: 139-141; Шатуновский 1996: 309-317 и др.], которые утверждают, что «изменение» («возникновение новой ситуации», «переход от одной ситуации к другой») является общим или, по крайней мере, основным значением совершенного вида (во всех временах), наиболее контрастно противопоставленным актуально-длительному значению несовершенного вида. Учёный считает, что это основное значение СВ не теряется и в будущем времени. Формы будущего времени глаголов СВ, как и формы прошедшего времени СВ, по Ю. П. Князеву, выражают достижение результата: *Но ничего, ничего, пруд выкопаем, карпов или карасей, на худой конец, разведем.* (В. Астафьев), *Но ты вырастешь и кого-нибудь полюбишь и тогда мне все эти глупости простишь* (Л. Улицкая) [Князев 2011: 189]. А сложное будущее НСВ, по мнению исследователя, может обозначать только процесс диктовки, безотносительно к итоговому результату: *Так ты знаешь Любку! Думаешь, я буду хныкать или молчать, когда меня будут бить? Я буду ругаться, кричать. Приходите ко*

мне, вам будет у нас весело: мы будем вместе читать, будем старое вспоминать, Федора о своих богомольных странствиях рассказывать будем.

5. Реализация идеи времени в функциональной и коммуникативной грамматике: темпоральность, таксис и временная локализованность

Взаимодействию глагольных категорий большое внимание уделяется в Теории функциональной грамматики (ТФГ). В ТФГ А. В. Бондарко выделяет несколько семантических категорий, в которых реализуется идея времени: темпоральность, таксис, временная локализованность / нелокализованность. Например, темпоральность – это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отчета, т. е. это «внешнее время» с явной дейктической характеристикой.

А. В. Бондарко объясняет систему темпоральности русского языка через структуру её поля [ТФГ 1990: 39-58]. В русском языке ядро поля темпоральности образует грамматическая категория времени, выражаемая грамматическими формами, имеющими обобщенные временные значения, которые могут уточняться или изменяться с помощью других языковых средств. Периферию поля образует лексика и синтаксические конструкции, конкретизирующие темпоральные отношения. На периферии поля выделяются ближняя и дальняя периферия. К ближней периферии могут быть отнесены 4 компонента: 1) аналитические причастно-страдательные формы; 2) формы полных причастий прошедшего и настоящего времени; 3) образования типа говоривал, живал, хаживал со значением «давнего обыкновения»; 4) безглагольные синтаксические конструкции со значением настоящего времени. Хотя границы между ближней и дальней периферией поля темпоральности подвижны и неопределенны, к дальней периферии могут быть отнесены 5 компонентов: 1) деепричастия в составе деепричастных конструкций; 2) синтаксические конструкции с модальным значением, которые имплицитно подразумевают темпоральную отнесенность

ситуации или одного из её элементов к будущему; 3) лексические обстоятельственные показатели, которые обозначают темпоральное отношение; 4) конструкции с временными союзами; 5) различные контекстуальные средства, которые передают темпоральные отношения, не имеющие определенной и однородной структурной характеристики.

Если категория темпоральности обозначает ситуацию по отношению к моменту речи или иной точке отсчета, то категория таксиса указывает на временные отношения между действиями в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании [ТФГ 1987: 234-242]. В данном понимании категории таксиса важное значение имеет указание на целостный период, объединяющий соотносящиеся во времени действия.

Если категория темпоральности и таксиса связаны с однонаправленным течением времени, то временная локализованность / нелокализованность может быть связана с неограниченной повторяемостью, узуальностью или временной обобщенностью (вневременностью) [ТФГ 1987: 210-217]. Семантическая категория временной локализованности / нелокализованности имеет значение единства противопоставленных друг другу значений: 1) конкретности, определенности местоположения действия и ситуации в целом в одновременном течении времени, прикрепленности к какому-то одному моменту или периоду; 2) неконкретности, неопределенности, обычности или временной обобщенности. Значение локализованности отражает конкретное местоположение тех или иных процессов и событий в однонаправленном и необратимом потоке времени. А значение нелокализованности отражает объективное существование регулярной и нерегулярной повторяемости процессов и явлений.

Взаимодействие категорий глагола при построении текста исследуется в Коммуникативной грамматике Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко и М. Ю. Сидоровой. Г. А. Золотова объясняет темпоральные отношения, выражаемые русскими глаголами, прежде всего через таксисные отношения. Таксисные

отношения между событиями (и воплощающими их предикативными единицами) обнаруживают их одновременность или разновременность, предшествование или следование [Золотова 1998: 311-354]. Чтобы обнаружить таксисную природу глагольного вида, Г. А. Золотова рассматривает те глагольные формы, в которых интересующая нас категория на морфологическом уровне не осложнена никакой другой. Для вида это деепричастия, то есть именно те глагольные формы, которые признаются морфологизованным таксисом.

Г. А. Золотова отмечает, что при ретроспекции за точку отсчета принимается последующее событие; отношения предшествования выражаются деепричастием совершенного вида, а отношения одновременности выражаются деепричастием несовершенного вида [Золотова 1998: 324].

6. Взаимодействие будущего времени с модальностью

Исходя из темы нашего исследования нам необходимо рассмотреть взаимодействие будущего времени с модальностью, так как исследование взаимодействия категорий времени и наклонения не исчерпывает всей проблематики модальной окраски форм будущего времени. Следует отметить, что будущее время характеризуется разнообразными модальными значениями, которые необходимо изучать в рамках более широкой функционально-семантической категории модальности.

В русском языке с формами будущего времени связан целый спектр модальных значений. Этот вопрос изучали многие русские лингвисты. В. В. Виноградов считал, что все формы будущего времени органически связаны с модальными значениями: «Форма будущего времени совершенного вида (1-го л. мн. ч.) служит для выражения категорического желания, требования, намерения или приглашения. Формы 2-го лица будущего времени также употребляются для выражения приказания» [Виноградов 1972: 440]. В ТФГ также отмечено, что формы будущего времени окрашены модальными признаками возможности,

желания, необходимости, обязательности, что объясняется самим содержанием значения будущего [Теория функциональной грамматики 1990: 112].

О взаимодействии будущего времени с модальностью также писали многие современные российские лингвисты. Н. Д. Арутюнова вообще считает, что будущее время в русском языке занимает промежуточное положение между модальными и временными категориями [Арутюнова 2011: 11]. Н. Д. Арутюнова также обращает внимание на то, что в европейских языках будущее действие в условных придаточных предложениях обозначается формами настоящего времени, а не формами будущего времени в отличие от русского языка [Арутюнова 2011: 8], т. е. на будущее указывает контекст, и его выражение не требует специальных форм. Отметим, что это замечание справедливо для корейского языка, в котором будущее время выражается не специальными формами, но модальными показателями. (Подробнее см. раздел 4.2.)

По мнению Е. М. Лазуткиной, репрезентация концепта БУДУЩЕЕ может зависеть от модальных значений, которые обусловлены позицией и точкой зрения субъекта речи. Концепт БУДУЩЕЕ неразрывно связан с концептами ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ и ВОЗМОЖНОСТЬ в инфинитивных конструкциях [Лазуткина 2011: 218]. Е. В. Петрухина пишет также о связи форм будущего времени с модальными значениями. Она считает, что в силу специфики значения будущего времени, выражающего действия еще не осуществленные, в конкретных условиях контекста формы будущего времени могут сопровождаться исходящей из контекста добавочной модальной семантикой – семантикой предположения, вероятности, намерения, ожидания, желания и уверенности [Петрухина 2009: 162].

Все это свидетельствует о том, что модальная семантика и категория модальности в целом играют большую роль в изучении будущего времени. Поэтому в следующем разделе мы анализируем содержательную сторону категории модальности более подробно.

7. Изучение категории модальности в лингвистике

7.1. Модальность как синтаксическая категория

Первым, кто системно исследовал модальность в российской лингвистической науке, был академик В. В. Виноградов. Его работы, посвященные модальности, по-прежнему актуальны. По его мнению, модальность является обязательной синтаксической категорией предложения, которая выражает отношение высказываемого к реальному положению дел в параметрах реального, нереального, предположительного, возможного. По В. Виноградову, категория модальности в русском языке выражается следующими средствами: интонацией, вводными словами, глагольным типом предложений¹ и союзной связью предложений [Виноградов 1975: 58-72]. Таким образом, в средства выражения модальности включены не только лексические способы (у В. В. Виноградова «вводные слова»: *разумеется, безусловно, кажется, вероятно, ...*), но и конструкционные способы (соединение инфинитива с глаголами *мочь, приходится, хотеть, желать, ...*), а также интонационные способы.

Как мы видим, В. В. Виноградов при объяснении модальности подчеркивает связь модальности с предложением, т.е. модальность трактуется как синтаксическая категория. Такая трактовка совпадает с пониманием модальности в западноевропейской лингвистической традиции. По мнению Ш. Балли, в любом высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и его модальную часть (модус), в которой выражается интеллектуальное,

¹ Под глагольным типом подразумеваются формы времен и наклонений глагола. С формами изъявительного наклонения (в сфере будущего времени) связаны оттенки предположительности, потенциальности действия, субъективной готовности к действию. Формы 1-ого лица настоящего и будущего времени в сочетании с особой экспрессивно-волевой интонацией служат для выражения категорического желания, требования, намерения или приглашения. [Виноградов 1975: 65]

эмоциональное или волевое суждение говорящего в отношении диктума с помощью модальных глаголов [Балли 2001: 69-82].

7.2. Модальность как функционально-семантическая категория

В российской лингвистике модальность трактуется не только как синтаксическая категория, но и как понятийная категория. Например, О. С. Ахманова подчеркивает связь модальности с логикой и философией, где речь идет о суждениях [Ахманова 1969: 244]. Такое понимание совпадает с дефиницией модальности в сфере философии и логики: как характеристики суждения в зависимости от того, утверждается ли в нем возможность, действительность или необходимость чего-либо.

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю (ЛЭС) [ЛЭС 1990], модальность (от латинского языка *modalis* — модальный; *modus* — мера, способ) является функционально-семантической категорией, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого.

А. В. Бондарко тоже трактует модальность не только как функционально-семантическую категорию. По А. В. Бондарко, модальность – это «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности / ирреальности» [ТФГ 1990: 59].

7.3. Семантика категории модальности

7.3.1. Субъективная и объективная модальность

В обзорах работ по семантике модальности обычно выделяют три точки зрения [Агеева 2006: 17-19]. Первая точка зрения восходит к концепции В. В. Виноградова, изложенной в его работах, а также в АГ-70 и РГ-80. В. В.

Виноградов разделяет модальность на субъективную и объективную [Виноградов 1975: 58]. Объективная модальность, согласно ЛЭС, выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществленности или осуществимости), определенности – неопределенности. К объективно-модальным значениям относятся значения времени и реальности – ирреальности, рассматриваемые в комплексе. Для выражения объективной модальности на синтаксическом уровне используются противопоставленные друг другу формы изъявительного наклонения и ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, долженствовательного): «Категория изъявительного наклонения (индикатива) включает в себе объективно-модальные значения реальности» [ЛЭС 1990: 304].

В АГ-70 объективная модальность определяется как комплекс грамматических значений, которые выражаются с помощью специальных грамматических средств и представляют событие как реальное или как ирреальное (желаемое, возможное, должное) [АГ-70: 542]. Следовательно, если какое-то событие обозначается как реальное, это не всегда означает, что оно существует или осуществилось в реальности. В такой интерпретации скрыто актуализируется понятие о высказывании как волевом акте говорящего, в намерения которого входит представить сообщаемое как реальное. Категории «реальное / ирреальное» объединены категорией времени на основе оппозиции «наличия / отсутствия»: наклонения, выражающие значение реальности, основаны на временной определенности. Соответственно наклонения, выражающие значения ирреальности, основаны на временной неопределенности.

В РГ-80 представлено более комплексное, многоаспектное освещение объективной модальности: «Это заключенное в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий значение отношения сообщаемого к действительности, т.е. значение реальности и ирреальности» [РГ-80: 215]. Далее утверждается, что объективно-модальное значение есть в любом предложении.

Субъективная модальность – это отношение говорящего к сообщаемому. В отличие от объективной модальности, она является факультативным признаком высказывания. В. В. Виноградов полагал, что семантический объем субъективной модальности значительно шире семантического объема объективной модальности. По его мнению, смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции [Виноградов 1975:57].

Согласно ЛЭС субъективная модальность реализуется различными способами. К ним относятся: 1) специальные лексико-грамматические классы слов, а также функционально близкие к ним словосочетания и предложения, часто функционирующие как вводные единицы; 2) специальные модальные частицы; 3) междометия; 4) специальные интонационные средства, выражающие эмоционально-экспрессивные оттенки субъективного отношения к сообщаемому; 5) порядок слов; 6) специализированные структурные схемы предложения [ЛЭС 1990: 304].

В. В. Виноградов выделяет в составе субъективной модальности 5 значений: 1) значения, относящиеся к целевой установке говорящего (или к коммуникативной функции высказывания); 2) оценку говорящим содержания пропозиции с точки зрения реальности/нереальности (гипотетичность, потенциальность и т.д.); 3) оценку говорящим пропозиционного действия с точки зрения его возможности, необходимости, желательности для субъекта; 4) значения утверждения/отрицания; 5) оценочные значения двух типов: а) оценку говорящим события, названного в качестве возможного, необходимого или желательного; б) оценку говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого [Виноградов 1975:57-58].

7.3.2. Другая точка зрения на субъективную и объективную модальность

Согласно второй точке зрения, модальные значения также делятся на «объективные – субъективные», но при этом пересматривается их объем и состав [Ломов 1977: 50-54]. По мнению А. М. Ломова, объективная модальность делится на реальную, гипотетическую и волюнтативную. Реальная модальность предполагает констатацию прошлых, наличных или только планируемых фактов действительности без каких-либо поправок на всякого рода привходящие обстоятельства (*Он читал эту книгу; Отец в саду; Ему завтра ехать в Киев*). Гипотетическая модальность указывает на факты, которых нет в действительности, но которые могут стать реальностью в каких-то иных условиях (*На твоём месте я бы так не поступил; Если бы ты мне помог!; Мне надо бы увидеться с ним*). Волюнтативная модальность фиксирует, строго говоря, не сами факты, а предписываемую кому-либо программу реализации этих фактов (*Отнеси книгу; Давай посмотрим фильм; Поговорил бы ты с ним; Пусть он войдет*).

А. М. Ломов выделяет также особую «субъектную модальность», которая подчинена объективной модальности и работает в её рамках и в какой-то степени предопределяется ею. Она рассчитана на дифференциацию того «чувства связи», которое устанавливается между субъектом и действием (предикативным признаком). Основные разновидности субъектной модальности точно не определены, но обычно выделяют три типа отношений субъекта и действия (предикативного признака): отношения возможности (*Я могу вам помочь; Это можно понять*), отношение необходимости или долженствования (*Ему надо поговорить с вами; Он должен завтра поехать туда*) и отношения желательности (*Я хочу встретиться с ним; Он желает знать это*). Что же касается высказываний типа «Брат читает»; *Вчера он рассказывал нам об этом* и т. д., они зачастую рассматриваются как аномальные (в субъектно-модальном плане).

Субъективная модальность находится в прямой связи с субъектной модальностью. Её роль сводится к оценке степени достоверности (соответствия

– несоответствия реальной действительности) событий, устанавливаемых субъектным и предикативным признаком, с интерпретацией последних – с точки зрения говорящего лица – как вероятных, предположительных, неизбежных, категорических (т. е. безусловно соответствующие действительности) и т. д. Чаще всего субъективная модальность выражается лексически (*Он, вероятно, пришел; Он может, кажется, достать билеты*) [Ломов 1977: 53].

7.3.3. Модальность как объективно-относительная категория

Представители третьей точки зрения определяют модальность как объективно-относительную категорию, не разделяя её на объективную и субъективную, поскольку отношение говорящего к действительности представляется «объективированным средствами самого языка» [Степанов 2004: 241-242]. Сторонники этого подхода полностью исключают из определения модальности прагматический компонент, что объясняется, по-видимому, невозможностью проверить высказывание на истинность или ложность, в то время как, по мнению Ю. С. Степанова, предложение-высказывание по отношению к ситуации может быть либо истинным, либо ложным. Таким образом, модальность описывают следующим образом: «Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи – «Я» говорящего, но с точки зрения типизированной, объективированной «раз навсегда» – для данного состояния языка – средствами самого языка» [Степанов 2004: 241-242].

7.4. Семантика модальности в Теории функциональной грамматики

Согласно Теории функциональной грамматики, модальность может быть объяснена в терминах «актуализационной категории», «актуализационной функции» [ТФГ 1990: 63]. Актуализационные категории трактуются в ТФГ как категории грамматики (включая и собственно грамматические категории, и функционально-семантические категории, или поля), значение которых

представляет отношение содержания высказывания к действительности, устанавливаемое с точки зрения говорящего.

А. В. Бондарко полагает, что темпоральность, временная локализованность и персональность предполагают специализированное «отношение к действительности», так как это отношение представлено через призму той или иной актуализационной категории. В свою очередь модальность трактуется как «отношение к действительности с точки зрения говорящего», которое является непосредственным содержанием данной категории. «Отношение к действительности», выражаемое модальностью, может быть качественно определено, если оно проявляется в доминирующих признаках реальности / ирреальности. [ТФГ 1990: 65]

Таким образом, модальность может быть определена как «комплекс актуализационных категорий, характеризующих с точки зрения говорящего отношение пропозитивной основы содержания высказывания к действительности по доминирующим признакам реальности / ирреальности» [ТФГ 1990: 59]. То или иное отношение к этим признакам выражено в значениях актуальности / потенциальности (возможности, необходимости, гипотетичности и т. д.)

А. В. Бондарко выделяет в русском языке следующие средства выражения модальной семантики возможности: 1) лексические – модальные глаголы и предикативы; 2) морфологические – видо-временные формы в изъявительном наклонении и видовые формы в сослагательном; 3) синтаксические – отрицательные инфинитивные конструкции. При этом возможность может быть выражена дискретно, т. е. представлять собой самостоятельное значение языковой единицы, и недискретно, т. е. сочетаться с другим оттенком значения.

Для выражения модальной семантики необходимости А. В. Бондарко выделяет следующие языковые средства: 1) конструкции с модальными лексемами; 2) конструкции с независимым инфинитивом (инфинитивные предложения); 3) конструкции с формами повелительного наклонения в

неимперативном употреблении; 4) предложения, содержащие формы настоящего времени, употребленные в значении «предписания» [ТФГ 1990: 146].

Кроме того, отношение признаков реальности / ирреальности может быть представлено в значениях оценки достоверности. В свою очередь для выражения семантики достоверности используются средства различных уровней: лексического, морфологического и синтаксического [ТФГ 1990: 159]. Отношение признаков реальности/ирреальности по Бондарко также может выражаться различными способами. Оно может быть представлено в значениях утверждения / отрицания и в значении засвидетельствованности ² (пересказывания / непересказывания).

Мы рассмотрели различные теории модальности, в которых данная категория трактуется как синтаксическая, семантическая или как функционально-семантическая категория. В рамках нашего исследования мы будем придерживаться взгляда на модальность как на функционально-семантическую категорию. Нас интересует прежде всего модальная окраска форм будущего времени. Участие в выражении модальных значений других языковых единиц находится на периферии нашего исследования. В будущем времени модальность выражается в основном не морфологически, не в синтаксических конструкциях с модальными словами, а семантически, имплицитно, самой глагольной формой.

² «Далеко не всегда при обсуждении проблем модальности принимается во внимание категория, названная Р. О. Якобсоном «засвидетельствованность» (evidential). Согласно его концепции, эта категория учитывает три факта: сообщаемый текст, факт сообщения и, кроме того, передаваемый факт сообщения, т. е. указываемый источник сведений о сообщаемом факте [Якобсон 1972: 101]. Анализ значения пересказывания (комментативности, имперцептива) особенно актуален для тех языков, в которых для его выражения имеются специальные грамматические формы (ср. рассмотрение фактов болгарского языка в работах Маслова)» [ТФГ 1990: 61]

Для анализа модальной семантики и будущего времени в русском языке нам необходима более подробная классификация модальных значений. В целом ряде работ, учитывающих деление модальности в логике на алетическую, деонтическую, аксиологическую и эпистемическую, ведутся споры относительно разновидностей значения модальности. Для нас наибольший интерес представляют работы, в которых модальные значения классифицируются на разных уровнях языка с использованием понятий философии и логики. В следующем разделе мы будем подробно говорить об одной из таких классификаций, а именно – о классификации Ф. Р. Палмера [Palmer 2001: 1-22].

7.5. Классификация значений модальности

Модальность, по Ф. Р. Палмеру, определяет статус пропозиции (*status of the proposition*), описывающей событие. В отличие от времени и аспектуальности, она не относится к свойству события, а определяет его по отношению к «реальности» (*realis*) и «нереальности» (*irrealis*). «Реальность» изображает ситуации, как возникшие или на самом деле происходящие. «Нереальность» изображает ситуации мыслимые, гипотетические, которые можно познать только через воображение. [Palmer 2001: 1]

Ф. Р. Палмер разделяет модальность на два типа – на пропозициональную модальность (*propositional modality*) и событийную модальность (*event modality*). Пропозициональная модальность связана с выражением отношения говорящего к истинности (*truth-value*) или фактическому статусу (*factual status*) пропозиции. Событийная модальность характеризует события, которые пока не состоялись, но являются потенциально возможными.

Выделяются два подтипа пропозициональной модальности – эпистемическая модальность (*epistemic modality*) и эвиденциальная модальность (*evidential modality*). Эпистемическая модальность служит для выражения говорящим суждения о фактическом статусе пропозиции, о вероятности ее

реализации, который может быть гипотетическим (speculative), т. е. речь идет о возможности, как в примере (1), дедуктивности (deductive), как в примере (2) или предположительности (assumptive), как в примере (3).

(1) John may be in his office.

(Джон может быть в своем офисе.)

(2) John must be in his office.

(Джон должен быть в своем офисе.)

(3) John'll be in his office.

(Джон будет в своем офисе.)

В первом примере говорящий не уверен в том, что Джон находится в офисе. Во втором примере говорящий делает вывод о том, что Джон, скорее всего, в офисе на основании некоторых фактов (например, в офисе Джона горит свет, а его самого сейчас нет дома). В третьем примере говорящий предполагает, что Джон находится в офисе, на основании того, что Джон обычно работает в офисе допоздна.

Эвиденциальная модальность связана с указанием на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации. Она имеет два подтипа: косвенную модальность (reported modality) и сенсорную модальность (sensory modality). Косвенная модальность служит для указания говорящим на те факты, которые он узнал от кого-то другого. Сенсорная модальность служит для указания говорящим на те факты, которые он видит (visual), слышит (auditory) или чувствует (non-visual) сам.

Деонтическая (deontic) и динамическая (dynamic) модальности являются двумя основными типами событийной модальности. Деонтическая модальность указывает на условия, внешние по отношению к соответствующим действующим лицам. Поэтому деонтическая модальность связана с позволяющей модальностью (permissive), как в примере (4), с обязательной

модальностью (*obligatory*), как в примере (5), и с комиссивной модальностью (т. е. модальностью обещания, *commissive*)³, как в примере (6).

(4) John may / can come in now.

(Джон может сейчас войти.)

(5) John must come in now.

(Джон должен сейчас войти.)

(6) John shall have the book tomorrow.

(Завтра у Джона будет эта книга.)

Динамическая модальность указывает на условия, которые являются внутренними по отношению к соответствующим действующим лицам, то есть связанными с их внутренними свойствами. Поэтому динамическая модальность связана с модальностью способности (*abilitive*), как в примере (7), и с волитивной модальностью (т. е. модальностью желания, *volitive*), как в примере (8).

(7) John can speak French.

(Джон умеет говорить по-французски.)

(8) John will do it for you.

(Джон сделает это для тебя.)

Таким образом, типы модальных значений в теории Ф. Р. Палмера могут быть представлены в следующем виде:

Propositional modality (Пропозициональная модальность)

Epistemic (Эпистемическая модальность)

Speculative (Гипотетическая модальность)

Deductive (Дедуктивная модальность)

Assumptive (Предположительная модальность)

Evidential (Эвиденциальная модальность)

Reported (Косвенная модальность)

³ Комиссив (*Commissive*) является речевым актом, в котором говорящий принимает на себе некое обязательство (*where we commit ourselves to do things*) [Searle 1983: 166]. В примере (6) говорящий принимает на себя обязательство завтра принести книгу для Джона.

Sensory (Сенсорная модальность)
Event modality (Событийная модальность)
Deontic (Деонтическая модальность)
Permissive (Позволяющая модальность)
Obligative (Обязательная модальность)
Commissive (Комиссивная модальность)
Dynamic (Динамическая модальность)
Abilitive (Модальность способности)
Volitive (Волитивная модальность)

Эта классификация демонстрирует сложность системы модальных значений: в ней выделяется, по крайней мере, 16 значений. Для анализа модальности форм будущего времени нет необходимости в таком сложном семантическом делении, поэтому мы не будем использовать эту классификацию, но считаем необходимым ее проанализировать, чтобы выделить основные группировки модальных значений. Разнообразные модальные значения, рассмотренные Ф. Р. Палмером, группируются вокруг нескольких обобщенных типов модальности: эпистемической (т. е. вероятностной, предположительной); эвиденциальной (т. е. свидетельской); деонтической (т. е. модальности долженствования); волитивной (т. е. модальности желания). Последняя у Ф. Р. Палмера объединяется с другими значениями, характеризующими внутреннее состояние производителя действия (его способности и возможности) в группе динамической (dynamic) модальности. Эти типы модальных значений (иногда под другими названиями) выделяются и во многих других зарубежных работах, посвященных модальности. Например, в [Kiefer 1997, Plungian 2000, Abraham 2005, V. Klimonov, G. Klimonov 2008: 129-132] выделяются четыре разновидности модальной ситуации — потенциальная (или диспозиционная, *dispositional modality*), дезидеративная (*desiderative modality*), нормативная (*normative modality*) и ситуативная (или сиркумстанциальная, *circumstantial modality*). Потенциальная модальность выражает физические или ментальные

способности субъекта как участника высказывания, позволяющие ему производить действие, обозначенное соответствующим глаголом. Дезидеративная модальность выражает желание, волеизъявление, намерение субъекта произвести действие, обозначенное соответствующим глаголом. Нормативная модальность выражает действия, предписываемые его участнику социальными и моральными правилами поведения. Ситуативная модальность выражает действия, обусловленные внешними обстоятельствами. Все эти четыре разновидности модальности пересекаются с рассмотренной классификацией Ф. Р. Палмера.

Кроме того, в работе Д. Ауверы и В.А. Плуногяна выделяется пять семантических областей модальных значений: 1) внутренняя возможность (*participant-internal possibility*), 2) Внешняя возможность (*participant-external possibility*), 3) деонтическая модальность (*deontic modality*), 4) эпистемическая модальность (*epistemic modality*), 5) волитивная модальность. Эти типы модальных значений имеют большое значение для плана будущего времени в русском языке, так как они имплицитно выражаются формами будущего времени (подробнее см. раздел 3.3.).

В дальнейшем мы будем использовать рассмотренные обобщенные типы модальных значений, т. е. эпистемическую, деонтическую, волитивную и потенциальную модальность. Особенно удобной для нашего исследования модальности будущего времени оказалась компактная классификация Д. Ауверы и В. А. Плуногяна. При этом мы учитываем также некоторые положения теорий российских лингвистов А. В. Бондарко, Ю. С. Степанова, словаря ЛЭС В. Н. Ярцева, рассмотренные выше.

7.6. Категория модальности и её взаимодействие с видом

В работах о взаимодействии категории модальности и категории вида многими лингвистами представлены разные точки зрения. Существует точка зрения, что нет прямого участия вида в формировании модальных значений.

Такого мнения придерживается, в частности, С. Н. Туровская. Она утверждает, что модальное значение создается не аспектуальным значением, а другими средствами: лексическими или контекстуальными. Например, в конструкциях типа *Мне ещё уроки готовить*; *Мне посуду мыть* значение обязательности создается не только НСВ, но и лексическими значениями других грамматических категорий. Своё мнение она обосновывает тем, что во многих случаях замена НСВ на СВ не меняет модального значения. Например, *Пойдем в театр? Нет, я иду / пойду в кино*. Поэтому трудно вывести какие-либо закономерности относительно доли участия видовых значений в образовании модальных значений. [Туровская 1998: 481-485].

Однако А. Шмелев и Анна Зализняк считают, что между видом и модальностью существует тесная связь, в частности между деонтической модальностью и имперфектностью, а также между алетической модальностью и перфективностью. В качестве доказательств они приводят следующие примеры.

(1) Здесь можно **перейти** улицу.

(2) Здесь можно **переходить** улицу.

В примере (1) модальное значение потенциальности выражается глаголом в форме совершенного вида, а в примере (2) глаголом НСВ выражается деонтическое модальное значение, т. е. возможность переходить улицу согласно существующему правилу, дающему разрешение на это.

Пример (3) означает, что невозможно или слишком трудно приблизиться к окну, а пример (4) означает, что приближаться к окну запрещено. [Shmelev, Zalizniak 2006: 81]

(3) К окну не **подойти**.

(4) К окну не **подходить**.

В теории А. Шмелева и Анны Зализняк речь идет о взаимодействии вида и модальности в инфинитиве, т. е. временная форма глагола не учитывается. В

нашей же работе будет рассмотрен вопрос о взаимодействии вида и модальности в плане будущего времени.

Глава 2. Количественный анализ употребления форм простого и аналитического будущего

1. Вступление

В первой теоретической главе было рассмотрено взаимодействие вида и времени в парадигматике. Было отмечено, что вид влияет на образование форм будущего времени: от глаголов НСВ образуется аналитическая форма, от глаголов СВ — простая форма будущего времени, причем простая форма будущего во временном отношении не однозначна: помимо будущего времени может выражать также (в особых условиях контекста) значение неактуального настоящего. Теперь необходимо обратиться к функциональному и количественному анализу употребления глаголов СВ и НСВ в плане будущего времени. Кроме того, мы ставим вопрос о влиянии на употребление видо-временных форм морфемной и словообразовательной структуры глагола. Последний вопрос в лингвистике специально не изучался, поэтому в данной главе этому вопросу уделяется особое внимание. Но прежде чем перейти к изучению вопроса о частотности форм простого и аналитического будущего необходимо предварительно проанализировать количественные данные об употреблении форм времени в русском языке, в том числе и в зависимости от вида глагола.

2. Количественные данные об употреблении видо-временных форм

2.1. Частотность глаголов СВ и НСВ в НКРЯ

По данным частотного словаря русского языка Э. Штейнфельта, глаголы НСВ и СВ характеризуются почти одинаковой употребительностью: примерно 52,8% приходится на глаголы НСВ и 47% – на СВ. Сходные данные были получены нами по НКРЯ. В таблице №1 приведены данные о частотности всех форм глаголов СВ и НСВ в НКРЯ.

Таблица №1

	НСВ	СВ
частотность	22 776 662 (54,90%)	18 710 815 (45,10%)

Как мы видим по этой таблице, глаголы НСВ обладают большей частотностью, чем глаголы СВ. Это соответствует немаркированному характеру несовершенного вида в видовой оппозиции. Согласно законам естественной морфологии [Dressler 2003: 461-471], немаркированная единица более употребительна, чем маркированная единица: «В конкуренции более маркированных и менее маркированных единиц победу всегда одерживают последние» [Климонов 2006: 169-191]. Важно отметить, что в теории естественной морфологии маркированность рассматривается с точки зрения как содержания, так и формы. Для нашего исследования также важны оба типа маркированности. Кроме того, по нашему мнению, на общую употребительность видов может влиять высокая частотность формы настоящего времени, которая в русском языке может быть образована только от глаголов НСВ.

Для того чтобы проанализировать частотность использования немаркированного НСВ в разных временных планах, сопоставим показатели частоты употребляемости некоторых глаголов НСВ и СВ по НКРЯ. В таблице №2 приведены данные, отражающие частотность использования глаголов во всех временных формах (V). Мы включили в таблицу 23 видовых пары, членами каждой пары являются глаголы, образованные как суффиксальным способом (имперфективацией), так и префиксальным (перфективацией). В первом столбце таблицы №2 дано общее количество употреблений всех форм данного глагола (V), во втором, в третьем и в четвертом столбцах – абсолютная частотность глагола в плане прошедшего (V, praet.), настоящего (V, praes.) и будущего (V, fut.) времен. Абсолютная частотность определяется общим количеством употреблений определенного глагола в той или иной временной форме в НКРЯ. Этот показатель позволяет нам сопоставить употребительность данного глагола

в разных временных планах. Мы анализировали частотность употребления глагольных форм в корпусе со снятой омонимией. Порядок слов специально не учитывался. При анализе частотности употребления форм аналитического будущего мы вводили запрос на форму *буд** (с разными окончаниями, т. е. со звездочкой) на расстоянии до двух слов от глагола НСВ в форме инфинитива. В процентах указана относительная частотность глаголов в формах настоящего, прошедшего и будущего времен. Относительная частотность определяется через соотношение употребительности формы прошедшего/настоящего/будущего времени и всех форм этого глагола. Серым цветом отмечены те видовые пары, в которых высока абсолютная частотность употребительности глаголов НСВ в формах прошедшего и будущего времен.

Таблица №2

	V	V, praet.	Разница в абсолютной частотности	V, praes.	V, fut.	Разница в абсолютной частотности
Все глаголы	41 487 477	18 681 839 (45,03006%)		9 019 539 (21,74038%)	анал. будущее 165 224 (0,39825%)	14,7 раз
					прос. будущее 2 431 096 (5,85983%)	
будить	3 901	1 223 (31,35093%)		1 258 (32,24814%)	8 (0,20508%)	
разбудить	7 003	3 931 (56,13308%)	3,2 раз		785 (11,20948%)	98 раз
делать	160 345	37 643 (23,47625%)		56 618 (35,31011%)	3 287 (2,04995%)	
сделать	175 136	71 747 (40,96644%)	1,9 раз		20 621 (11,77427%)	6,3 раз
красть	1 638	615 (37,54578%)		562 (34,31013%)	18 (1,09890%)	
украсть	7 066	4 315 (61,06708%)	2,8 раз		708 (10,01981%)	39 раз

братъ	52 618	14 747 (28,02653%)		22 909 (43,53833%)	429 (0,81531%)	
взять	137 827	68 062 (49,38219%)	4,6 раз		19 598 (14,21927%)	45,7 раз
отвечать	80 514	48 629 (60,39819%)		23 293 (28,93037%)	508 (0,63094%)	
ответить	92 782	74 419 (80,20844%)	1,5 раз		5 133 (5,53232%)	10,1 раз
бросать	14 199	5 202 (36,63638%)		5 518 (38,86189%)	72 (0,50707%)	
бросить	48 489	22 606 (46,62088%)	4,3 раз		3 735 (7,70277%)	51,8 раз
подписывать	3 133	1 041 (33,22693%)		822 (26,23683%)	32 (1,02138%)	
подписать	14 368	5 006 (34,84131%)	4,8 раз		977 (6,79983%)	30 раз
покупать	13 430	4 120 (30,67758%)		4 947 (36,83544%)	177 (1,31794%)	
купить	41 654	15 660 (37,59542%)	3,8 раз		5 329 (12,79348%)	30 раз
открывать	18 978	4 045 (21,31415%)		7 494 (39,48782%)	88 (0,46369%)	
открыть	91 891	25 586 (27,84385%)	6,3 раз		3 658 (3,98080%)	41 раз
закрывать	9 285	2 346 (25,26655%)		3 002 (32,33171%)	44 (0,47388%)	
закреть	34 909	10 090 (28,90372%)	4,3 раз		1 244 (3,56355%)	28 раз
строить	18 810	4 720 (25,09303%)		6 771 (35,99681%)	384 (2,04146%)	
построить	23 327	5 149 (23,23059%)	1.1 раз		1 242 (5,32430%)	3.2 раз
давать	116 208	27 609 (23,75826%)		51 794 (44,57008%)	603 (0,51889%)	
дать	268 614	68 703 (23,57685%)	2,4 раз		33 489 (12,46733%)	55,5 раз

записывать	7 096	2 439 (34,37147%)		1 883 (26,53607%)	53 (0,74689%)	
записать	13 948	4 482 (32,13363%)	1,8 раз		1 116 (8,00114%)	21 раз
переписывать	1 784	651 (36,49103%)		339 (19,00224%)	13 (0,72869%)	
переписать	2 655	735 (27,68361%)	1,1 раз		225 (8,47457%)	17,3 раз
пристраивать	307	121 (39,41368%)		72 (23,45276%)	4 (1,30293%)	
пристроить	2 193	667 (30,41495%)	5,5 раз		182 (8,29913%)	45,5 раз
разбивать	2 333	650 (27,86112%)		742 (31,80454%)	16 (0,68581%)	
разбить	18 551	4 599 (24,79111%)	7 раз		898 (4,84070%)	56,1 раз
поджаривать	198	63 (31,81818%)		72 (36,36363%)	2 (1,01010%)	
поджарить	701	68 (9,70042%)	1,0 раз		45 (6,41940%)	22,5 раз
находить	35 921	11 308 (31,48019%)		18 533 (51,59377%)	96 (0,26725%)	
найти	121 759	52 999 (43,52277%)	4,7 раз		19 580 (16,08094%)	204 раз
учить	18 936	8 253 (43,58365%)	1,95 раз	5 916 (31,24208%)	198 (1,04562%)	
научить	8 335	4 223 (50,66586%)			1 982 (23,77924%)	10 раз
красить	3 673	610 (16,60767%)	2,8 раз	688 (18,73128%)	15 (0,40838%)	
покрасить	746	217 (29,08847%)			71 (9,51742%)	4,73 раз
редактировать	828	370 (44,68599%)	5,7 раз	133 (16,06280%)	3 (0,36232%)	
отредактировать	232	64 (27,58620%)			10 (4,31035%)	3,3 раз
писать	114 861	49 009 (42,66809%)	1,6 раз	38 822 (33,79911%)	452 (0,39351%)	
написать	76 162	30 911 (40,58585%)			7 070 (9,28284%)	15,6 раз

попадать	58 392	33 251 (56,94444%)	1,1 раз	6 094 (10,43636%)	44 (0,07535%)	
попасть	48 506	29 894 (61,62948%)			4538 (8,98445%)	101 раз

Прежде всего следует заметить, что общая частотность употребления форм простого будущего (2 431 096) превышает общую частотность употребления форм аналитического будущего (165 224) в 14,7 раз. Ниже мы рассмотрели вопрос о влиянии на частотность форм простого будущего их временной многозначности (на материале 1000 контекстов ряда глаголов СВ), придя к выводу о незначительности такого влияния (подробнее см. раздел 2.3.).

И в нашем материале формы простого будущего СВ встречаются намного (в десятки раз) чаще, чем формы аналитического будущего НСВ. Только в 8 парах (*делать – сделать, отвечать – ответить, строить – построить, переписывать – переписать, учить – научить, красить – покрасить, редактировать – отредактировать, писать – написать*) показатель частотности употребления формы простого будущего СВ превышает показатель частотности формы аналитического будущего менее, чем в 20 раз. Так, форма простого будущего глагола *отредактировать* встречается примерно в 3 раза чаще, чем форма аналитического будущего глагола *редактировать*. В остальных 15 парах форма простого будущего встречается значительно чаще формы аналитического будущего, – более чем в 20 раз. Особенно велика разница между употребительностью видов в парах *находить – найти, попадать – попасть*, где показатель абсолютной частотности употребления формы простого будущего превышает соответствующий показатель аналитического будущего более, чем в 100 раз. Например, форма простого будущего *найдет* (во всех лицах и числах) употребляется чаще, чем форма *будет находить* (во всех лицах и числах) примерно в 204 раза.

Е. В. Петрухина предполагает, что это объясняется особенностями лексического значения глаголов моментального действия (*попадать – попасть*,

находить – найти), имеющих ограничение на развитие процессного значения (в его разновидностях), а также тем, что в будущем времени моментальные действия чаще мыслятся как единичный факт [Петрухина 2016].

В плане прошедшего времени показатели частотности парных глаголов СВ и НСВ несколько иные, хотя СВ и здесь употребляется чаще, чем НСВ. В 6 парах (*брать – взять, подписывать – подписать, бросать – бросить, покупать – купить, закрывать – закрыть, находить – найти*) показатель частотности употребления СВ в прошедшем времени превышает соответствующий показатель глаголов НСВ приблизительно в 4 раза, а в остальных случаях разница между частотностью менее значительна: показатель частотности СВ превышает показатель частотности НСВ в 3 раза (*будить – разбудить, красть – украсть*), в 2 раза (*делать – сделать, давать – дать, записывать – записать*) или эти показатели практически равны (*отвечать – ответить, строить – построить, переписывать – переписать, поджаривать – поджарить*). И лишь формы прошедшего времени СВ *открыл, пристроил и разбил* (во всех родах и числах) используются в 5 раз чаще, чем формы *открывал, пристраивал и разбивал* (во всех родах и числах).

У глаголов *поджаривать – поджарить* в плане прошедшего времени частотность приблизительно одинаковая, тогда как в плане будущего времени превышает соответствующий показатель формы аналитического будущего примерно в 22 раза. Аналогичное соотношение частотности у глаголов *давать – дать, записывать – записать, переписывать – переписать*.

Существенное различие в употреблении видовых форм в прошедшем времени в сравнении с будущим временем заключается в том, что 5 глаголов НСВ (*учить, красить, редактировать, писать, попадать*) оказываются более употребительными, чем соответствующие глаголы СВ. Мы предполагаем, что в этом случае большую роль играет многозначность простых глаголов НСВ (*красить, писать, учить*), к которым мы привели лишь по одному парному глаголу СВ, а ведь таких парных глаголов СВ значительно больше (*красить –*

покрасить, выкрасить, накрасить, закрасить; учить (что) – выучить, заучить, разучить; учить (кого) – научить и др.).

Теперь обратимся к относительной частотности. Относительная частотность показывает соотношение частотности форм времени глагола по отношению ко всем его формам. Для многих глаголов НСВ мы можем сказать, что самой частотной формой является форма настоящего времени. Например, у глаголов *будить, делать, красить, брать, бросать, покупать, открывать, закрывать, строить, давать, разбивать, поджаривать* форма настоящего времени встречается чаще, чем другие формы (т. е. с точки зрения относительной частотности). Поэтому в тех случаях, когда абсолютная частотность в форме прошедшего времени оказывается больше именно у глаголов НСВ (например, у глаголов *учить, красить, редактировать, писать, попадать*), при относительной частотности глагол НСВ может уступать глаголу СВ (например, в парах глаголов *учить – научить, красить – покрасить, попадать – попасть* более частотны глаголы СВ).

2.2. Частотность глаголов НСВ в форме будущего времени с разной морфемной структурой

Для того чтобы наглядно сравнить разницу в частотности парных глаголов с разной морфемной структурой, т. е. простых и вторичных имперфективов, мы составили таблицу, где сгруппированы данные о частотности видовых пар с простыми и производными глаголами НСВ. В первой части таблицы размещены видовые пары на основе перфективации, во второй части на основе имперфективации. Распределение информации по столбцам такое же, как в таблице №2.

Таблица №3

	V	V, praet.	V, praes.	V, fut.
Все глаголы	41 487 477	18 681 839 (45,03006%)	9 019 539 (21,74038%)	2 596 320 (6,25808%)
будить	3 901	1 223 (31,35093%)	1 258 (32,24814%)	8 (0,20508%)
разбудить	7 003	3 931 (56,13308%)		785 (11,20948%)
красть	1 638	615 (37,54578%)	562 (34,31013%)	18 (1,09890%)
украсть	7 066	4 315 (61,06708%)		708 (10,01981%)
писать	114 861	49 009 (42,66809%)	38 822 (33,79911%)	452 (0,39351%)
написать	76 162	30 911 (40,58585%)		7 070 (9,28284%)
учить	18 936	8 253 (43,58365%)	5 916 (31,24208%)	198 (1,04562%)
научить	8 335	4 223 (50,66586%)		1 982 (23,77924%)
подписывать	3 133	1 041 (33,22693%)	822 (26,23683%)	32 (1,02138%)
подписать	14 368	5 006 (34,84131%)		977 (6,79983%)
записывать	7 096	2 439 (34,37147%)	1 883 (26,53607%)	53 (0,74689%)
записать	13 948	4 482 (32,13363%)		1 116 (8,00114%)
переписывать	1 784	651 (36,49103%)	339 (19,00224%)	13 (0,72869%)
переписать	2 655	735 (27,68361%)		225 (8,47457%)
поджаривать	198	63 (31,81818%)	72 (36,36363%)	2 (1,01010%)
поджарить	701	68 (9,70042%)		45 (6,41940%)

Как мы видим, в первой группе, где сопоставляются видовые пары с простыми имперфективами, показатель частотности употребления глагола СВ в плане будущего превышает соответствующий показатель у глаголов НСВ более чем в 10 раз. Во второй группе, где сопоставляются видовые пары с вторичными имперфективами, показатель частотности употребления глагола СВ в плане будущего также превышает соответствующий показатель у глаголов НСВ более чем в 10 раз. Таким образом, тип глагола НСВ в рассмотренных случаях никак не повлиял на частотность формы аналитического будущего.

Теперь вернемся к таблице №2. Здесь нам необходимо рассмотреть разницу между показателями общей частотности всех форм глаголов НСВ и СВ. Мы видим, что лишь в 5 случаях частотность употребления глаголов НСВ оказывается выше частотности употребления глаголов СВ. Это пары глагола *учить – научить, красить – покрасить, редактировать – отредактировать, писать – написать, попадать – попасть*. В 18 случаях большей частотностью характеризуются глаголы СВ.

Как соотносятся полученные данные с общими показателями большей частотности глаголов НСВ (см. выше Таблица №1)? По всей видимости, их несовпадение можно объяснить наличием большого числа глаголов НСВ со значением состояния, отношения, процесса, не имеющих видовых пар (*находиться, учительствовать, участвовать, ...*). Конечно, разница в частоте встречаемости форм обусловлена и употребительностью самой глагольной лексемы, а также ее многозначностью. Например, многозначные глаголы *писать, красить* встречаются чаще глаголов *написать, покрасить* во всех временах, кроме будущего. Но, тем не менее, результаты нашего исследования не подтверждают вывод Теории естественной морфологии о большей употребительности и частотности немаркированного члена привативной оппозиции. Это может быть связано с тем, что вид дан не изолированно, а во взаимодействии со временем. Кроме того, наше исследование показало, что вопрос о маркированности / немаркированности члена привативной оппозиции

должен решаться с учетом не только семантики, но и формы. Этот вопрос особенно важен для анализа плана будущего времени, где маркированная форма аналитического будущего значительно менее частотна, чем форма простого будущего. Отметим, что данные, отражающие частотность видо-временных форм, позволяют поставить очень интересную проблему взаимодействия вида с лексической семантикой глагола. В рамках нашей работы мы не касаемся этого вопроса, поскольку он требует отдельного рассмотрения. В следующем разделе мы будем более подробно анализировать употребление форм будущего времени.

2.3. Количественный анализ употребления форм будущего времени глаголов СВ и НСВ в НКРЯ

В предыдущем разделе мы рассмотрели частотность употребления форм простого будущего и аналитического будущего. Во всех случаях согласно приведенным данным формы простого будущего СВ употреблялись чаще, чем формы аналитического будущего НСВ. Для верификации полученных результатов мы привели дополнительное исследование частотности форм будущего времени в русском языке. В таблице №4 приведены данные из НКРЯ, характеризующие употребление пар глаголов *петь – спеть*, *мыть – помыть*, *рисовать – нарисовать*, *достраивать – достроить*, *выяснять – выяснить*, *защищать – защитит* в будущем времени. Цифры в первом столбце показывают частотность употребления всех форм глагола в корпусе (V), цифры во втором и третьем столбце показывают частотность употребления форм будущего времени глагола в корпусе (V, fut.).

Таблица №4

	V	V, fut.	
		Простое будущее	Сложное будущее
петь	34 071		416 (1,22097%)

спеть	3 847	811 (21,08136%)	
мыть	250 030		41 (0,01639%)
помыть	1 052	138 (13,11787%)	
рисовать	9 802		52 (0,53050%)
нарисовать	6 932	472 (6,80900%)	
достраивать	190		3 (1,57894%)
достроить	544	61 (11,21323%)	
защищать	13 339		224 (1,67928%)
защитить	7 736	759 (9,81127%)	

Мы видим, что формы простого будущего встречаются чаще, чем формы аналитического будущего, примерно в 2-20 раз с точки зрения абсолютной частотности. Можно предположить, что на общую количественную картину оказывает влияние временная многозначность формы простого будущего, т. е. то, что эта форма может иметь значение и неактуального настоящего.

Мы проанализировали временные значения форм простого будущего времени пяти глаголов (*построить, написать, сделать, дать, купить*) в 200 произвольных контекстах, взятых из НКРЯ. Полученные результаты приведены в таблице №5.

Таблица №5

	будущее	настоящее узуальное	настоящее потенциальное
построить	190 (95%)	0 (0%)	10 (5%)
написать	196 (98%)	2 (1%)	2 (1%)
сделать	196 (98%)	0 (0%)	4 (2%)
дать	197 (98.5%)	1 (0.5%)	2 (1%)
купить	198 (99%)	1 (0.5%)	1 (0.5%)
всего	977 (97.7%)	4 (0.4%)	19 (1.9%)

Из 1000 произвольно взятых контекстов формы простого будущего времени имеют значение будущего времени в 977 контекстах (97,7%), значение настоящего времени — в 23 контекстах (2,3%). Несмотря на то, что форма простого будущего времени двузначна, контекстов со значением неактуального настоящего времени очень мало (всего 2,3%). Это значит, что двузначность форм простого будущего почти не влияет на большую частотность употребления форм простого будущего.

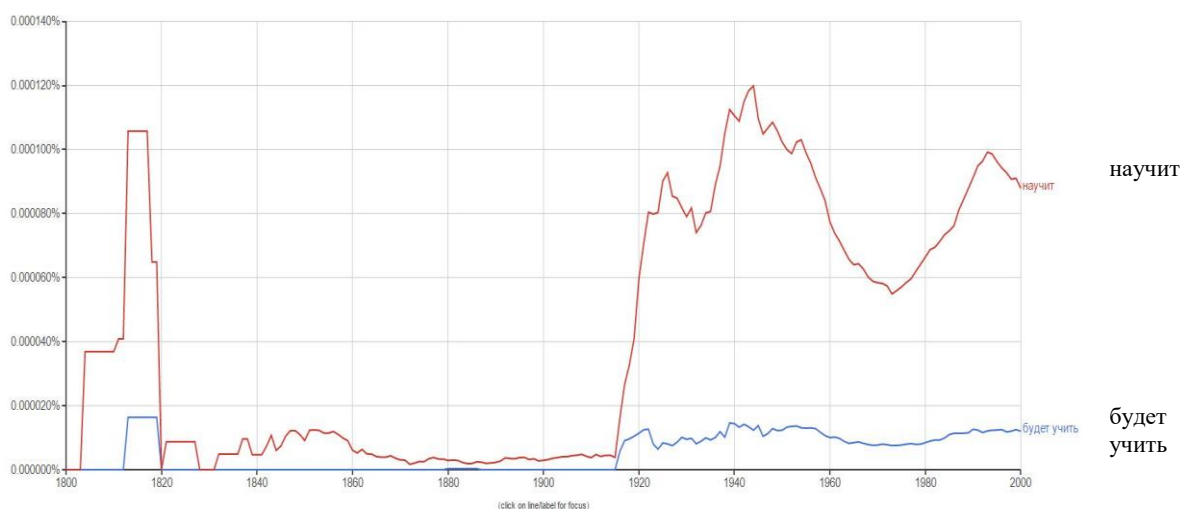
В следующем разделе мы рассматриваем частотность форм будущего времени глаголов СВ и НСВ при помощи статистической системы Google-Books-Ngram.

2.3.1. Анализ частотности употребления форм будущего времени при помощи системы Google-Books-Ngram

Google-Books-Ngram (<https://books.google.com/ngrams>) представляет собой информационную систему, которая содержит несколько корпусов размеченных текстов книг на 9 языках. Корпус книг на русском языке (2012 г.) содержит 591 310 книг (текстов) или 67 137 666 353 словоупотреблений. Через эту систему мы можем узнать относительную частотность какой-либо формы слова в общем корпусе по годам и сравнить относительную частотность с другой

формой слов. Эта система показывает полученные данные графическим методом. Например, мы вставили в систему форму аналитического будущего 3-го лица глагола «учить» – *будет учить* и форму простого будущего 3-го лица глагола «научить» – *научит*. Полученный результат – в следующем графике №1.

«График №1 (научит – будет учить) »

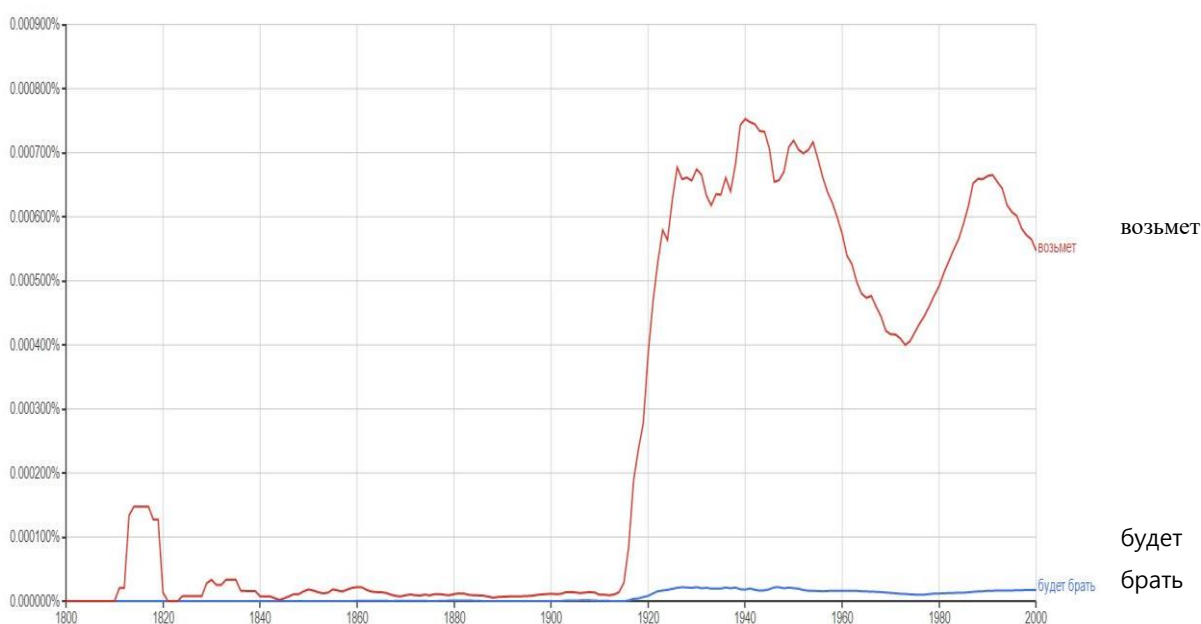
По вертикальной оси графика, который строит система, откладывается относительная частота⁴ встречаемости заданной N-граммы в данном году, выраженная в процентах. На горизонтальной оси показаны годы, входящие в заданный пользователем временной интервал (в данном случае интервал составлял 20 лет). При помощи данной программы мы проанализировали 16 парных по виду глаголов НСВ и СВ (*редактировать – отредактировать, белеть – побелеть, строить – построить, писать – написать, учить – научить, будить – разбудить, делать – сделать, петь – спеть, топить – утопить,*

⁴ Относительная частота встречаемости N граммы за определенный год подсчитывается следующим образом: число её употреблений в данном году делится на общее число словоупотреблений в корпусе в этом же году. Например, число словоупотреблений слова «slavery» (рабство) в 1861 г. составило 21 460 на 11 687 страницах 1208 книг. Всего в английском корпусе 2009 г. за 1861 г. имеется 386 434 758 словоупотреблений. Частота использования составила таким образом 5.5×10^{-5} . Затем полученный результат умножается на 100 %. Таким образом, результат равен 0,0055533307 %.

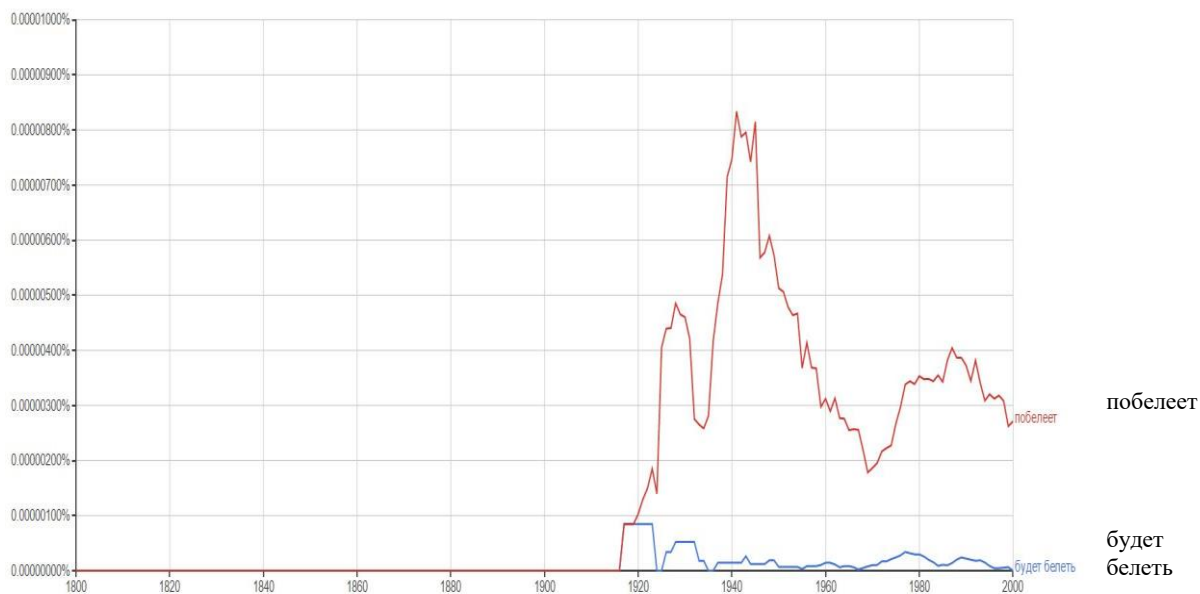
красть – украсть, красить – покрасить, брать – взять, отвечать – ответить, бросать – бросить, давать – дать, покупать – купить), частотность которых мы уже рассматривали в предыдущем разделе в рамках НКРЯ.

Согласно результатам анализа, в 15 случаях из 16 формы простого будущего встречаются значительно чаще, чем форма аналитического будущего; кроме того, частотность форм простого будущего по годам меняется сильнее, чем частотность форм аналитического будущего.

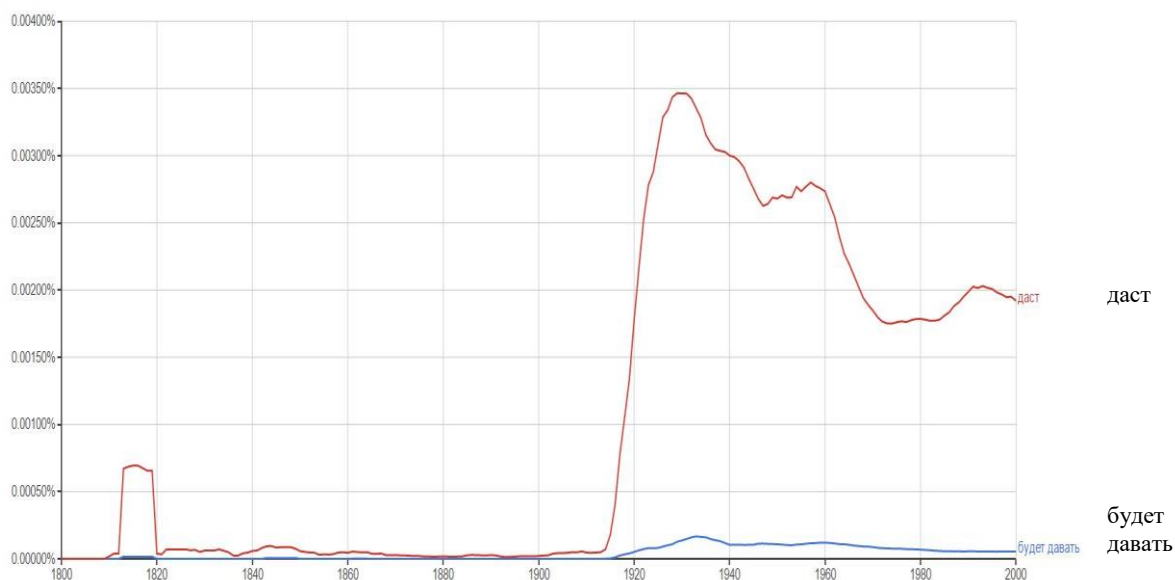
« График №2 (возьмет – будет брать) »

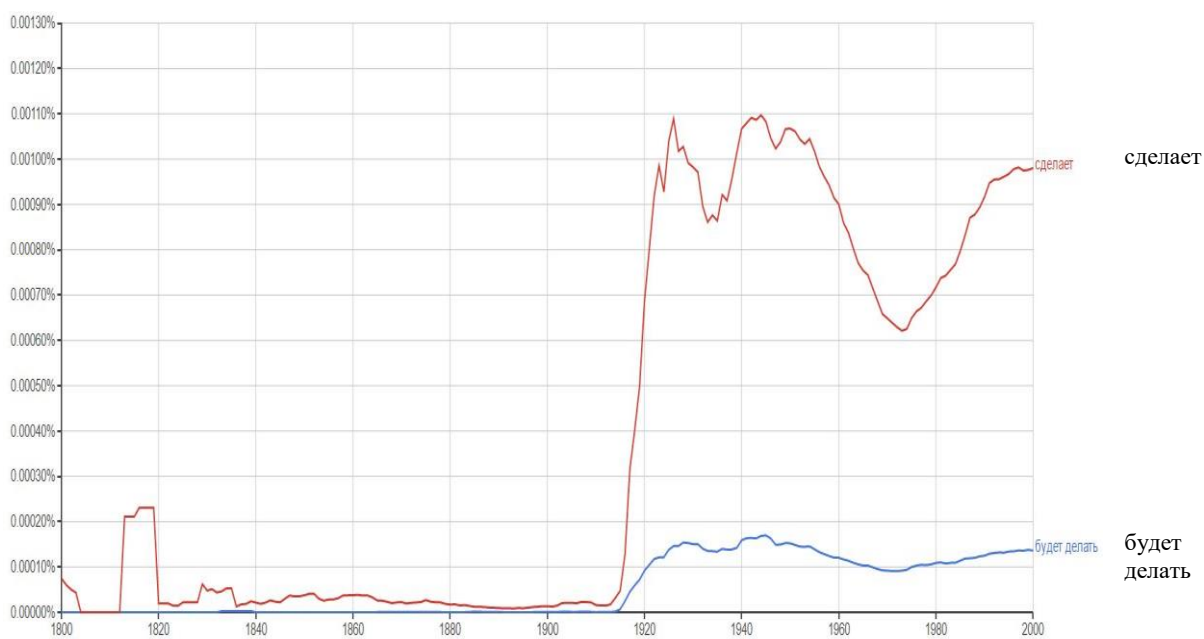
« График №3 (побелеет – будет белеть) »

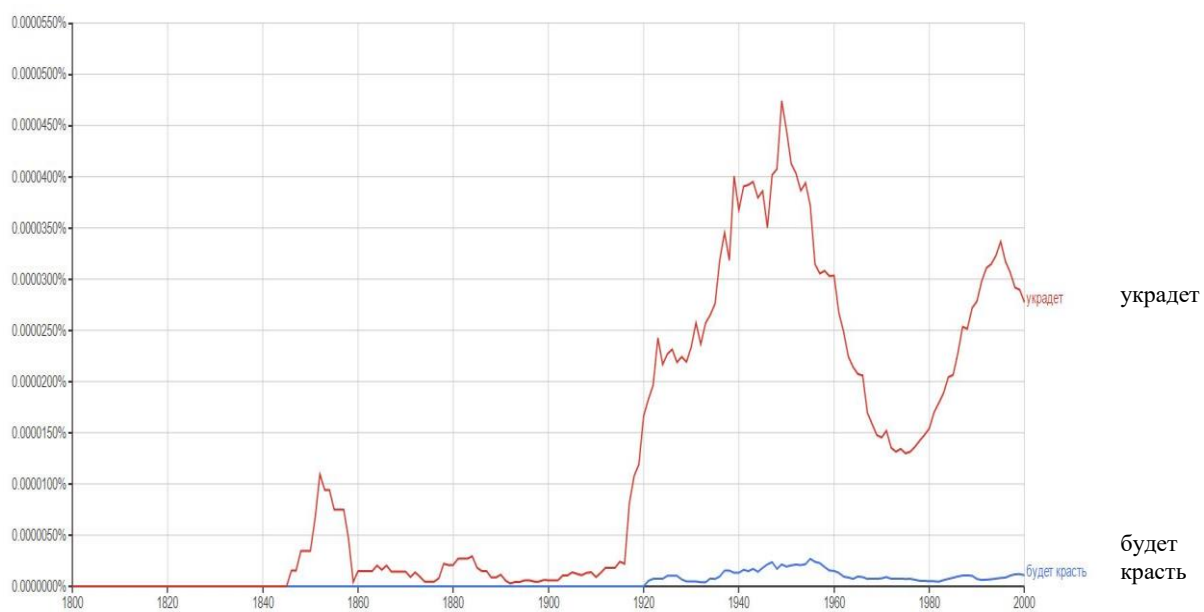
« График №4 (даст – будет давать) »

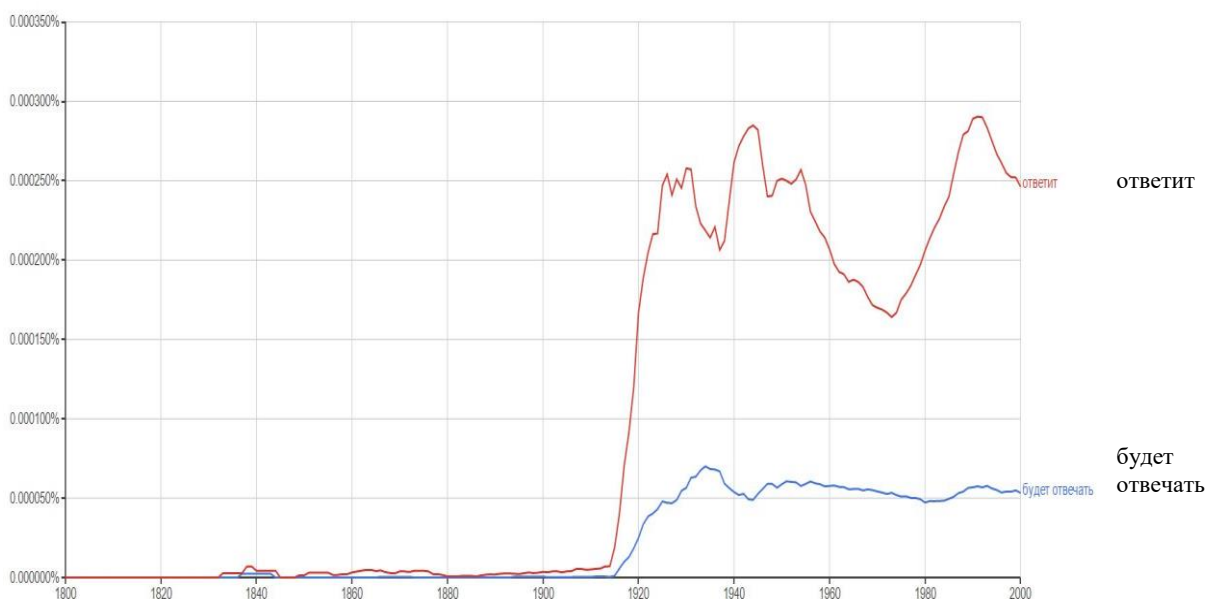
« График №5 (сделает – будет делать) »

« График №6 (украдет – будет красть) »

« График №7 (ответит – будет отвечать) »

Был лишь один случай, когда форма аналитического будущего *будет редактировать* встречалась чаще, чем форма простого будущего *отредактирует*. Трудно сказать, почему именно этот глагол чаще выступает в форме аналитического будущего. Но по графику видно, что частотность формы простого будущего постоянно увеличивается, и в 2000 году она стала преобладать над формой аналитического будущего (см. График №8).

« График №8 (отредактирует – будет редактировать) »

До сих пор мы рассматривали частотность употребления обеих форм будущего времени. Однако для нашего исследования большой интерес представляет сопоставление употребления в форме аналитического будущего разных по морфемной структуре синонимичных глаголов НСВ: простых производных глаголов типа *брить*, *копать* и вторичных имперфективов типа *сбривать*, *выкапывать*.

2.4. Количественный анализ частотности форм аналитического будущего с производными глаголами НСВ и вторичными имперфективами

Изучая употребление форм будущего времени в русском языке, мы обратили внимание на то, что частотность формы аналитического будущего зависит во многом от производности или непроизводности глагола НСВ. Оказалось, что вероятность образования и частотность употребления формы аналитического будущего типа *будет брить*, *будет копать* значительно больше, чем *будет сбривать*, *будет выкапывать*.

Мы решили проверить замеченную закономерность употребления данных форм в НКРЯ с использованием количественных методов Грамматики конструкций (Construction Grammar).

2.4.1. Грамматика конструкций: коллострукционный анализ

Теория Грамматики конструкций (Construction Grammar) была разработана в конце восьмидесятых годов в американской лингвистике. Согласно этой теории, основной единицей языка является конструкция – языковое выражение, у которого есть аспект плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей [Stefanowitsch & Gries, 2003: 212; Рахилина, 2010: 19].

В последнее время среди сторонников теории Грамматики конструкций растет популярность статистики, имеющей большое значение для нашего исследования. Примером этому является «коллострукционный анализ» – исследование С. Гриса и А. Стефановича, цель которого – определить, какие лексемы тяготеют к определенной грамматической форме (которая трактуется как конструкция), то есть встречаются в конструкции чаще, чем другие формы [Stefanowitsch & Gries, 2003: 214]. Коллострукционный анализ всегда начинается с анализа конкретной конструкции, с его помощью устанавливают, какие лексемы «притягиваются» или «отталкиваются» от конструкции. Лексемы, которые притягиваются к конструкции, называются «коллексемами» (collexemes). Конструкция, связанная с определенной лексемой, называется «коллоструктом» (collostruct). Сочетание «коллексемы» и «коллострукта» называется «коллострукцией» (collostruction) [Stefanowitsch & Gries, 2003: 215].

В качестве примера коллострукционного анализа может служить анализ С. Грисом и А. Стефановичем английской конструкции [N waiting to happen (неизбежный несчастный случай)]. Используя количественный метод и Британский национальный корпус (BNC), они выяснили, что связь между лексемой accident (авария) и конструкцией [N waiting to happen] является очень сильной, т.е. лексема accident (авария) сильно притягивается к конструкции [N

waiting to happen], и реализация данной конструкции *Accident waiting to happen* проявляет высокую частотность [Stefanowitsch & Gries, 2003: 218-220].

С помощью такого количественного метода можно измерить степень «притягивания / отталкивания» глаголов НСВ формой аналитического будущего (конструкцией) в зависимости от типа их морфемной структуры, т. е. проанализировать частотность аналитических форм будущего времени, образованных от простых или вторичных имперфективов

2.4.2. Сопоставление частотности употребления в НКРЯ производных глаголов НСВ и вторичных имперфективов в форме аналитического будущего

Соотношению производных и непроизводных глаголов НСВ в славистике уделяется большое внимание. Вместе с глаголом СВ, который выступает как мотивирующий для вторичного имперфектива, они рассматриваются как видовая тройка: *рвать – сорвать – срывать*. Видовые тройки – это словообразовательные цепочки, состоящие из трех глаголов, образующих две видовые пары. Видовые тройки образуются при имперфективации глаголов, у которых приставка помимо результативной семантики имеет конкретное значение, совпадающее с одной из сем исходного глагола [Петрухина 2009: 85].

В русском языке форма аналитического будущего может включать в себя любой глагол НСВ из видовой тройки: и производный глагол НСВ (*будет рвать*), и вторичный имперфектив НСВ (*будет срывать*). Проводя анализ с использованием материалов НКРЯ, мы обнаружили, что частотность употребления формы аналитического будущего зависит от производности или непроизводности глагола НСВ. Оказалось, что вероятность образования формы аналитического будущего с производным глаголом НСВ (типа *будет рвать*), равно как и частотность её употребления, значительно выше, чем появление формы со вторичным имперфективом (типа *будет срывать*).

	будет рвать	будет срывать
частотность	14	0

Прежде чем анализировать статистику употребления этих двух типов глаголов НСВ в формах будущего времени, кратко рассмотрим типы видовых троек в русском языке.

Начало исследованию видовых троек в связи с проблемой избыточности было положено в статье Ю. Д. Апресяна, в которой рассматривается четыре подтипа видовых троек, различающихся с точки зрения семантического взаимодействия имперфективных и перфективных элементов.

К первому подтипу относятся *лепить (великана из снега) — слепить — слепливать, плести (кружево) — сплести — сплестать*, а также тройки, создаваемые бесприставочными глаголами *бить (о часах), вить (гнездо), таять (о снеге)*. Отличительная особенность этих троек в том, что «приставочная форма НСВ является вариантом бесприставочной, парадигма избыточна» [Апресян 1995: 109]. Следует отметить, что в этом подтипе у вторичного имперфектива отсутствует актуально-длительного значение: **Смотри, снег растаивает* [Апресян 1997: 14].

Во второй подтип видовых троек включаются глаголы, у которых «приставочная форма НСВ во всех существенных отношениях равноправна или несколько более жизнеспособна по сравнению с бесприставочной формой» [Апресян 1995: 109]. Сюда относятся тройки *бежать (о молоке) — убежать — убежать, множиться (например, о трудностях) — умножиться — умножаться*. Е. В. Горбова отметила, что в настоящее время в некоторых регионах (например, в Санкт-Петербурге), высказывание ??*Молоко бежит* звучит достаточно странно, в отличие от *Молоко убегает* [Горбова 2015: 278]. Это значит, что существует разница между формами бесприставочного глагола НСВ и приставочного глагола НСВ.

К третьему подтипу относятся глаголы, «приставочная форма НСВ которых существенно отличается по смыслу от бесприставочной и образует чистовидовую пару только с приставочной формой СВ» [Апресян 1995: 109]. Это тройки *гореть (например, о полене) — сгореть — сгорать, бить (масло) — сбить — сбивать*. Ю. Д. Апресян отмечает, что в этом подтипе семантический компонент достижения результата присутствует у приставочных глаголов НСВ, но отсутствует у бесприставочных глаголов НСВ.

Четвертый подтип образуют такие вторичные имперфективы, которые отличаются лексически не только от первичных, но и от приставочных глаголов СВ. Это группы *есть (хлеб) — съест — съедать, пить — выпить — выпивать, читать (книгу) — прочитает — прочитывать*. В этом подтипе вторичный имперфектив отвергается как видовой коррелят для СВ по причине отсутствия характерного для НСВ актуально-длительного значения [Апресян 1995: 112]. Следует отметить, что одним из важных сюжетов статьи Ю. Д. Апресяна является указание на то, что существует различие между формами бесприставочного глагола НСВ и приставочного глагола НСВ видовых троек.

С. Г. Татевосов, рассматривая классификацию Ю. Д. Апресяна (по Апресян 1995), акцентирует внимание на значимости различий между первичными и вторичными имперфективами в зависимости от их событийной структуры, т. е. информации о составе и свойствах компонентов ситуации, заключенной в значении глагольного предиката [Татевосов 2010: 303]. Первичные имперфективы имеют «простую событийную структуру, известную как структура деятельностей, где событие предстает как неразложимое целое», а вторичные имперфективы имеют «структуру свершений, где событие представляет собой сумму двух компонентов, события и состояния, связанных каузальным отношением» [Татевосов 2010: 306].

В. С. Храковский также считает, что «вторичный имперфектив, будучи производным глаголом НСВ, сохраняет определяющие семантические

(событийное прочтение) и синтаксические (обязательность прямого дополнения) свойства исходного глагола СВ» [Храковский 2005: 56].

Е. В. Петрухина анализирует разные семантические и функциональные типы вторичных имперфективов более подробно. Она разделяет видовые тройки на два типа. Первый тип представляет собой случай, когда вторичные имперфективы выражают результативность, непроцессуальность и, как следствие, итеративность (типа *съесть, прочитывать, вылечить*). Е. В. Петрухина называет этот первый тип маркированным. Второй тип представляет собой случай, когда имперфективы не выражают отношения к признакам результативности, непроцессуальности и, как следствие, итеративности (типа *склеивать, процеживать, выпаривать*). Этот тип Е. В. Петрухина называет немаркированным. [Петрухина 2012: 95]

Многие из тех префиксальных глаголов НСВ, которые Ю. Д. Апресян квалифицирует как носящие «печать искусственности», как скорее потенциальные, чем реально существующие формы [Апресян 1988а: 111], могут быть отнесены к первому типу, то есть итеративно-результативным имперфективам, например: *скашивать (луг), смалывать (кофе), свивать (гнездо), слепливать (фигурку), созревать, сдерживать (слово), сметывать (стог), вырывать (канаву)*.

В видовых тройках первого типа семантическая разница между первичным и вторичным имперфективами типа *есть и съесть* очевидна по отношению к признаку кратности. Однако в видовых тройках второго типа семантические отношения между первичным и вторичным имперфективами типа *гнуть и сгибать, копать (картошку) и выкапывать* неоднозначны и не столь эксплицитно выражены.

Ж. Веренк считает, что оппозиция первичных и вторичных неитеративных имперфективов определяется противопоставлением действия в развитии, безотносительного к его пределу, и действия, развивающегося к своему естественному пределу [Veurenc 1980: 176]. Но, по мнению Е. В. Петрухиной,

отмеченная семантическая оппозиция наблюдается не у всех немаркированных глаголов НСВ, а лишь в том случае, если «базовый глагол в рамках единичной ситуации может быть и терминативным, и нетерминативным, а соответствующий вторичный имперфектив при обозначении единичного действия всегда является терминативным (то есть обозначает действие, характер которого предопределяет его самоисчерпание после достижения одновероятного результата) [Петрухина 2012: 96]. Например, *Он пашет на соседнем поле* (нетерминат.); *Это поле он пашет / вспахивает с пяти часов утра* (терминат.). Характерно, что подобные вторичные имперфективы, в отличие от первичных, не употребляются без обозначения объекта, на который направлено действие. Например: *Я не умею кроить (выкраивать рукава); Маленькая девочка клеит аккуратно (аккуратно склеивает коробочку); После дождя хорошо полоть (выпалывать сорняки).*

Мы рассмотрели данный вопрос подробно, так как семантические типы вторичных имперфективов имеют непосредственное отношение к их частотности.

Для определения типа отношений между формами производных НСВ и вторичных имперфективов в конструкции будущего времени, из книги Е. В. Петрухиной [Петрухина, 2009: 86] были выбраны 8 видовых троек глаголов (*рвать – сорвать – срывать, клонить – склонить – склонять, брить – сбрить – сбривать, копать – выкопать – выкапывать, полоть – выполоть – выпалывать, сморкаться – высморкаться – высмаркиваться, кроить – выкроить – выкраивать, клянчить – выклянчить – выклянчивать*).

Полученные результаты сопоставления общей частотности употребления 8 видовых троек, а также частотности употребления в конструкции будущего времени по данным Национального корпуса русского языка приведены в таблице №7.

Таблица №7

	V	V, fut.
все глаголы	41 487 477	2 596 320 (6,25808%)
рвать	5 858	14(0,23899%)
срывать	2 335	0(0%)
клонить	943	1(0,10605%)
склонять	1 233	0(0%)
брить	3 490	7(0,20057%)
сбривать	70	0(0%)
копать	2 672	12(0,44910%)
выкапывать	391	0(0%)
полоть	10 890	1(0,00918%)
выпалывать	50	0(0%)
сморкаться	730	1(0,13699%)
высмаркиваться	9	0(0%)
кроить	411	4(0,97324%)
выкраивать	129	0(0%)
клянчить	357	1(0,28011%)
выклянчивать	60	0(0%)

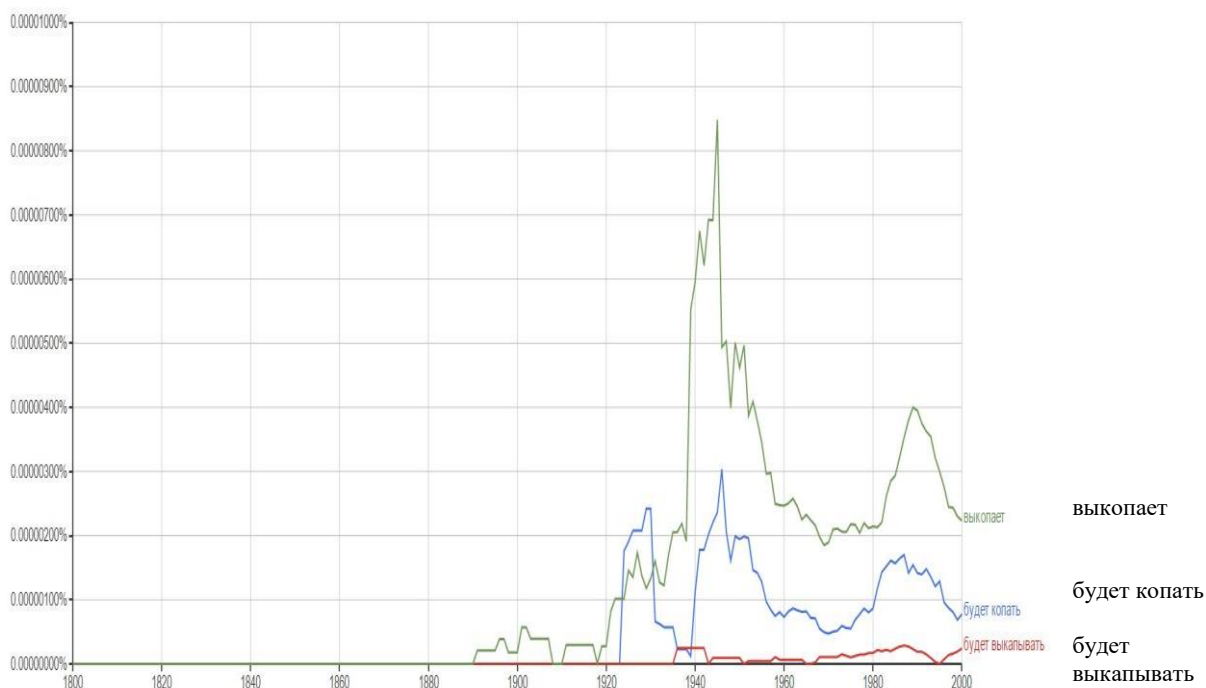
Прежде всего, бросается в глаза большая частотность во всех формах простых глаголов НСВ, чем производных. И мы видим, что все вторичные имперфективы из видовых троек (*срывать*, *склонять*, *сбривать*, *выкапывать*, *выпалывать*, *высмаркиваться*, *выкраивать*, *выклянчивать*) в текстах НКРЯ вообще не употребляются в форме аналитического будущего времени.

2.4.3. Сопоставление частотности употребления производных глаголов НСВ и вторичных имперфективов в форме аналитического будущего при помощи системы Google-Books-Ngram

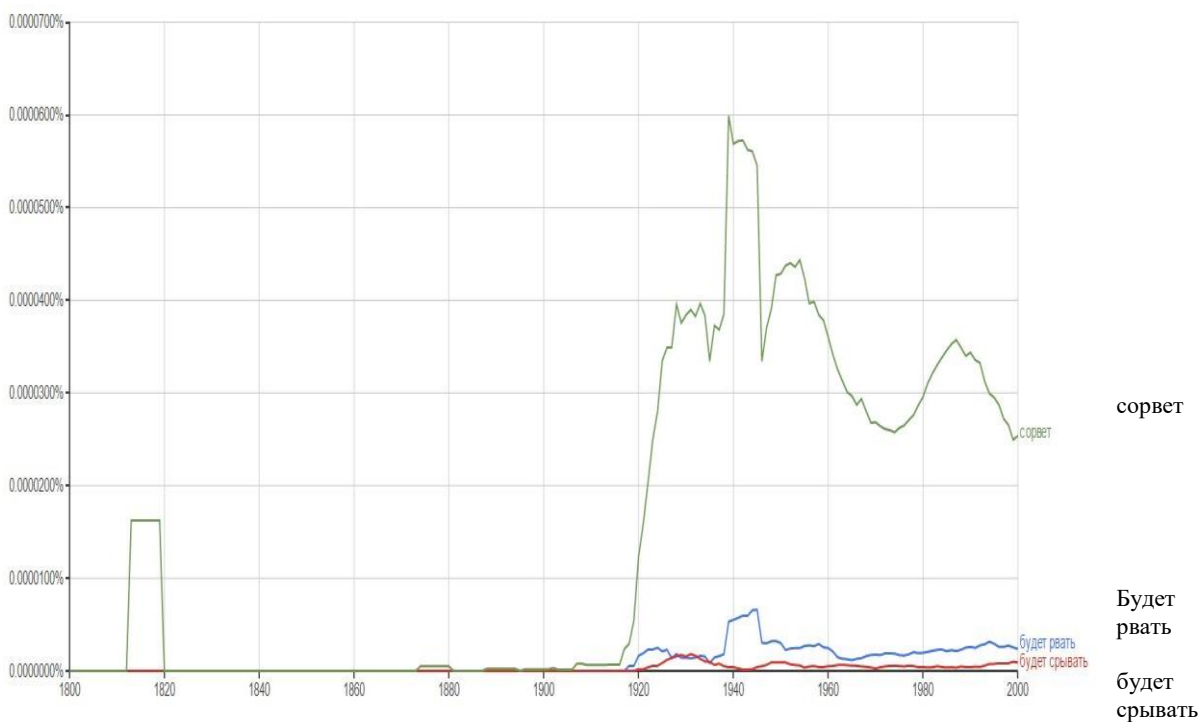
Для того чтобы точнее установить частотность форм производных НСВ и вторичных имперфективов в конструкции будущего времени, мы снова проанализировали частотность употребления 8 видовых троек глаголов (*рвать – сорвать – срывать, клонить – склонить – склонять, брить – сбрить – сбривать, копать – выкопать – выкапывать, полоть – выполоть – выпалывать, сморкаться – высморкаться – высмаркиваться, кроить – выкроить – выкраивать, клянчить – выклянчить – выклянчивать*) в форме будущего времени 3-го лица через систему Google-Books-Ngram. Для полноты картины в статистическое исследование в системе Google-Books-Ngram были также включены и глаголы СВ в форме простого будущего.

Результат анализа показал, что во всех случаях самой частотной формой является форма будущего времени СВ, и её частотность существенно меняется по годам. Форма аналитического будущего производных глаголов НСВ встречается чаще, чем форма аналитического будущего вторичных имперфективов (в 3 случаях из 8: *будет рвать, будет клонить, будет копать*), и есть случаи, когда формы аналитического будущего вторичных имперфективов вообще не встречаются в корпусе (в 5 случаях из 8: *будет сбривать, будет выклянчивать, будет выкраивать, будет выпалывать, будет высмаркиваться*).

«График №9 (выкопает – будет копать – будет выкапывать)»

«График №10 (сорвет – будет рвать – будет срывать)»

Интересно рассмотреть частотность вторичных имперфективов такого типа, которые в форме будущего аналитического в НКРЯ вообще не

употребляются, в других временных планах: в настоящем и прошедшем времени (см. таблицу №8).

В таблице №8 приведена частотность употребления этих глаголов во всех формах (V), в формах настоящего времени (V, praes.) и прошедшего времени (V, praet.)

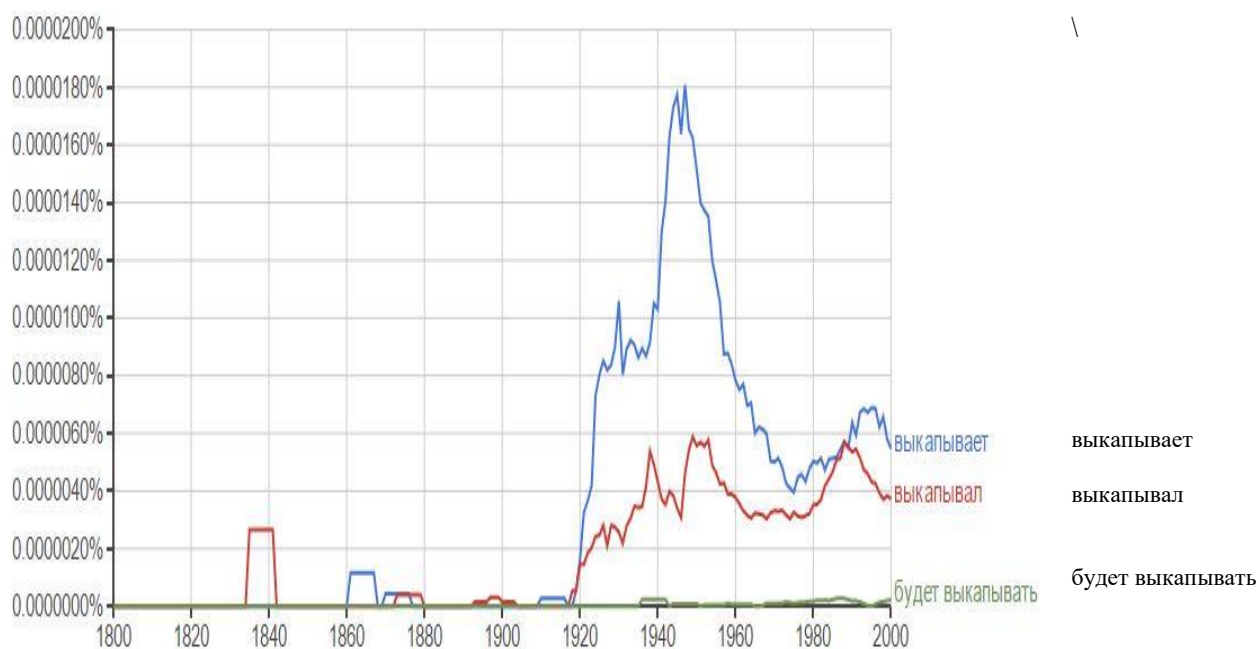
Таблица №8

	V	V, praes.	V, praet.
Все глаголы	41 487 477	9 019 539 (21,74038%)	18 681 839 (45,03006%)
срывать	2 335	861 (36,87366%)	759 (32,50535%)
склонять	1 233	409 (33,17112%)	400 (32,44120%)
сбривать	70	16 (22,85714%)	22 (31,42857%)
выкапывать	391	150 (38,36317%)	110 (28,13299%)
выпалывать	50	22 (44,00000%)	8 (16%)
высмаркиваться	9	4 (44,44444%)	4 (44,44444%)
выкраивать	129	41 (31,78294%)	39 (30,23256%)
выклянчивать	60	10 (16,66666%)	22 (36,66667%)

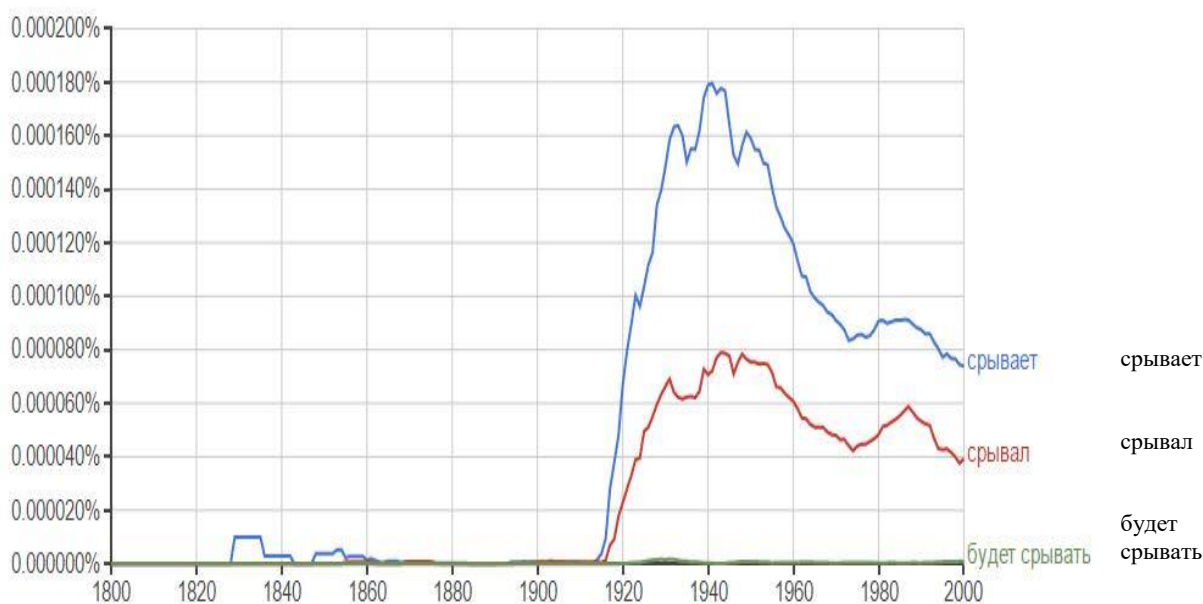
Мы видим, что в форме настоящего и прошедшего времени вторичные имперфективы встречаются в НКРЯ. Этот результат не противоречит данным анализа при помощи системы Google-Books-Ngram (см. График №5). Мы ввели

в систему форму аналитического будущего и форму настоящего и прошедшего времени 8 вторичных имперфективов (*срывать, склонять, сбривать, выкапывать, выпалывать, высмаркиваться, выкраивать, выклянчивать*). Согласно результатам анализа, формы настоящего и прошедшего времени встречаются значительно чаще, чем форма аналитического будущего во всех 8 случаях.

«График №11 (выкапывает, выкапывал, будет выкапывать)»

«График №12 (срывает, срывал, будет срывать)»

2.4.4. Объяснительный анализ разной частотности изучаемых форм

Нам представляется, что разная частотность изучаемых форм в конструкции будущего времени обуславливается разными факторами: 1) формальными факторами: производные имперфективы по морфемной структуре и фонемному составу проще вторичных имперфективов; 2) семантическими факторами: простые глаголы НСВ более многозначны, чем приставочные глаголы НСВ, что также обуславливает их большую частотность. В Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой мы видим, что простые глаголы НСВ имеют больше значений, чем приставочные глаголы:

Копать 1. 1) Отделять лопатой или какой-либо землеройной машиной от массива комья, пласты земли, песка и т.п., перебрасывая их на другое место или переворачивая. 2) Роя, извлекать из земли что-либо. 2. 1) Придирчиво разбирать, анализировать или контролировать что-либо (обычно с целью выявить недостатки, злоупотребления). 2) Интригами и кознями вредить, готовить неприятности кому-либо; подсиживать. **Выкапывать** 1. Копая, делать в земле углубление, яму; вырывать. 2. 1) Копая, извлекать что-либо из земли, из-под снега и т.п. 2) разг. Отыскивать, находить.

Как мы видим, глагол *выкапывать* выступает как синоним к *копать* только в первых двух значениях, а глагол *копать* имеет ещё два переносных значения, несоотносимых с *выкапывать*.

Глагол *срывать* также выступает как синоним к *рвать* только в первом, втором и третьем значениях, а глагол *рвать* имеет ещё три значения, несоотносимых со *срывать*: **Рвать** 1. 1) *Выдергивать с силою, резким движением; вытаскивать. отг. перен. разг.-сниж. Брать с выгодой для себя; захватывать, отнимать.* 2) *Отделять, обламывая стебель; срывать.* 3) *Разделять на части резким движением, нарушая целостность чего-либо; разрывать. отг. Делать дырявым, рваным. отг. перен. Умерщвлять, раздирая на части.* 2. 1) Производить взрыв; взрывать, подрывать. отг. перен. безл. Причинять сильную боль. 2) перен. Прекращать, ликвидировать, порывать (отношения, связи). 3. 1) Налетать порывами, резко дуть (о ветре). 2) Делать резкие движения (при гребле) 4. Об извержении пищи через рот, о рвоте **Срывать** 1. 1) *Надломив, отделять от стебля, корня и т.п. (ветку, цветок, лист и т.п.).* 2) *Резким движением, рывком обрывать, отрывать что-либо прикрепленное. отг. Резким движением, рывком снимать, сдергивать, стягивать. отг. перен. разг. Заставлять кого-либо бросить, оставить что-либо (работу, занятие и т.п.).* 3) *Резким движением, сильным нажимом портить (резьбу, нарезку и т.п.).* 4) *Добиваться чего-либо против чьей-либо воли, желания кого-либо.* 5) *Вымещать на ком-либо (гнев, раздражение, досаду и т.п.).* 2. *Удалять, сравнивать с землей.*

Таким образом, вторичные имперфективы имеют более узкое значение, чем синонимичные бесприставочные глаголы НСВ. Этот факт может обуславливать бóльшую частотность первичных имперфективов. Наше исследование показало также, что вторичные имперфективы из видовых троек в формах аналитического будущего в НКРЯ вообще не встречаются, хотя в других формах некоторые из них характеризуются достаточно высокой частотностью. Мы считаем, что необходимо учитывать аспектуальную специфику семантики

этих форм для объяснения того, почему вторичные имперфективы «отталкиваются» от конструкции будущего времени. Многие лингвисты указывали на аспектуальную специфику семантики этих форм и отметили различие между формой первичного имперфектива и вторичного имперфектива видовых троек (см. работы Ю. Д. Апресяна, А. А. Зализняка и А. Д. Шмелева, С. Г. Татевосова, В. С. Хараковского и Е. В. Петрухиной).

Следует ещё раз привести точку зрения Е. В. Петрухиной, согласно которой простой глагол НСВ при обозначении неповторяющегося действия может выступать и как предельный (терминативный), т. е. обозначать действие, развивающееся к своему естественному пределу -результату, и как неопредельный (нетерминативный), а соответствующий вторичный имперфектив при обозначении единичного действия всегда является терминативным. Например, *Вечером мы жгли костер* (нетерминат.); *Сегодня мы расчищали участок: жгли /сжигали старые пни* (терминат. оба глагола). Поэтому в целом терминативность в семантике простого глагола выражена в меньшей степени, чем в приставочном. Тонкие различия в значении синонимичных глаголов НСВ можно эксплицировать, введя в предложение обстоятельства типа *к вечеру, полностью*, актуализирующие конечный предел действия: в подобных условиях контекста простые глаголы НСВ не употребляются. Ср.: *Собранные листья мы полностью сжигали (*жгли). Всю картошку мы выкапывали (*копали) к середине сентября* [Петрухина, 2012: 96]. Отметим, что в форме будущего времени направленность на предел выражается реже, чем в прошедшем времени. Поэтому вторичный глагол НСВ имеет более ограниченную область употребления.

Формы аналитического будущего выражают следующие частные видовые значения: процессное, неограниченно-кратное и обобщенно-фактическое значения. Многие вторичные имперфективы из видовых троек типа *съесть, прочитывать* не имеют процессного и общефактического значений [Апресян 1995: 112, Петрухина 2009: 86]. Более вероятно употребление таких вторичных

имперфективов в неограниченно-кратном значении типа *по утрам буду съедать только яблоко*. Это во многом объясняет, почему все формы вторичных имперфективов из видовых троек практически не встречаются (или очень редко встречаются) в конструкции будущего времени.

3. Выводы

Проведенное сопоставление частотности употребления всех форм глаголов СВ и НСВ в НКРЯ продемонстрировало более высокую частотность употребления глаголов НСВ. Однако, согласно результатам нашего исследования, в котором проанализирована частотность употребления 23 видовых пар, только в 5 видовых парах частотность употребления всех форм НСВ превышает соответствующий показатель у форм СВ. При этом в большинстве случаев глаголы СВ в плане будущего и прошедшего времён встречались значительно чаще, чем формы глаголов НСВ. Мы полагаем, что отличие между результатами нашего исследования и данными, полученными при анализе всего НКРЯ, связано с наличием в русском языке большого числа глаголов НСВ со значением состояния, отношения, процесса, которые не имеют видовых пар. Кроме того, это может быть также связано с тем, что категория вида в нашем исследовании дана во взаимодействии с категорией времени, в частности с тем, что в настоящем актуальном употребляются только глаголы НСВ. При этом проведенный количественный анализ показал, что разница между показателями частотности видов в плане будущего времени оказывается намного больше, чем в плане прошедшего. Возможно, это связано со сложной формой времени: аналитическая форма будущего времени у всех проанализированных глаголов значительно уступает в частотности простой синтетической форме глаголов СВ.

Согласно результатам нашего анализа по сопоставлению частотности употребления синонимичных глаголов НСВ в форме аналитического будущего, различающихся морфемной структурой (простые производные глаголы и

вторичные имперфективы из видовых троек), форма аналитического будущего производных глаголов НСВ встречается чаще, чем форма аналитического будущего вторичных имперфективов. В НКРЯ такие формы, как *будет срывать*, *будет склонять*, *будет сбривать*, *будет выкапывать*, *будет выпалывать*, *будет высмаркиваться*, *будет выкраивать*, *будет выклянчивать* (во всех лицах и числах) (при заданных параметрах поиска) вообще не были обнаружены.

Вероятно, это связано с тем, что вторичные имперфективы, актуализирующие направленность действия на его предел и результат, «отталкиваются» от форм аналитического будущего, так как для последней из всех частных значений НСВ более характерно общефактическое значение. Как мы отмечали в 1-ой главе, для глаголов НСВ в плане будущего времени характерно прежде всего общефактическое значение, представляющее протекание действия в самом общем виде, без актуализации его аспектуальной семантики [Парешнев 2004: 19]. Этой временной форме свойственен также синкретизм частных значений НСВ [Петрухина 2009: 170], что в большей степени соответствует аспектуальному характеру простых глаголов НСВ. В ходе нашего исследования также была обнаружена языковая избыточность вторичных имперфективов простым глаголам НСВ, споры о которой, споры о которой и сегодня продолжаются в лингвистике [Храковский 2005]. Эта избыточность наиболее четко проявляется в плане будущего времени, что и показывает наше исследование.

Глава 3. Модальные значения глагольных форм будущего времени в русском языке

1. Характеристика будущего времени с точки зрения семантики модальности

Будущее время с точки зрения соотношения темпоральных и модальных значений включает в себе парадокс: оно соприкасается с моментом речи и настоящим временем, но не является полностью принадлежащим реальности. «Думая о будущем, человек гадает о грядущих событиях, но не всегда угадывает. Поэтому будущее постоянно взаимодействует с модальными категориями» [Арутюнова, 2011: 10]. Двойственная темпорально-модальная природа будущего, имеющая разнообразные проявления, отмечается многими исследователями [Lyons, 1977: 677-678; Арутюнова, 2011: 6-11].

В.А. Плуногян считает, что будущее выходит за рамки категории времени, так как во многих языках показатели будущего могут сочетаться с показателями прошедшего времени в одной форме (как в английской форме «будущего в прошедшем» *would come*), нарушая тем самым признак взаимоисключения граммем одной категории [Плуногян, 2000: 107, 115, 269]. Кроме того, среди современных языков есть целый ряд таких, в которых будущее время вообще не имеет грамматического выражения, а категория времени состоит из двух граммем — прошедшего и непрошедшего (граммемы непрошедшего времени могут описывать и ситуации будущего). К таким языкам относятся, в частности, японский и корейский языки, в которых для выражения будущих действий могут использоваться формы наклонений [Трофименко, 2006: 72]. Поэтому В. А. Плуногян допускает описание будущего времени «как элемента самостоятельной грамматической категории (модальной или таксисной)» [Плуногян, 2000: 273]. Однако, по нашему мнению, такая трактовка будущего времени для русского языка неприемлема. Для такого решения принимаем во внимание следующие аргументы.

Формы будущего времени в русском языке не имеют в своем составе формальных показателей, восходящих к модальным глаголам, в отличие, например, от английского языка, где формы будущего времени развились на основе свободных сочетаний модальных глаголов (*shall, will*) с инфинитивами [Логунов, 2007: 14]. В истории русского языка становление аналитической формы сложного будущего времени было связано с вытеснением вспомогательных глаголов *имамь, начну, хочу, стану* модально нейтральной формой *буду* [Историческая грамматика, 1982: 110, 130].

Будущее время в грамматических описаниях русского глагола с точки зрения отношения обозначаемого действия к действительности не противопоставлено настоящему и прошедшему временам. Все три времени в рамках изъявительного наклонения интерпретируются как реальные. «Изъявительное наклонение указывает на реальность глагольного действия в настоящем, прошлом или будущем» [Клобуков, 2009: 528]. По мнению А. Л. Шарандина, «сознание русского человека оказалось способным категоризовать временную ситуацию лишь в том случае, если она представлялась ему как реальность, как реальный факт действительности [Шарандин 2009а: 240]». Поэтому, хотя будущее время выражает действие после момента речи, в русском языке будущее время существует в рамках изъявительного наклонения. Формы будущего времени изъявительного наклонения указывают на реальность предикативного признака в потенциальности. Тем не менее, изъявительное наклонение, как отмечал В.В. Виноградов, богато модальными значениями, которые выражают модальные слова и частицы, сопутствующие формам изъявительного наклонения. «Модальные слова и частицы могут превратить значение прямого утверждения или отрицания факта, присущее изъявительному наклонению, в значение недостоверности, сомнительности, даже ирреальности действия» [Виноградов, 1972: 447-448].

Специфика будущего времени, к которому относятся действия еще не осуществленные – предполагаемые, планируемые, желаемые и др., определяет

связь соответствующих глагольных форм с модальностью, на которую указывают многие исследователи будущего времени [Бондарко 1971: 103; РГ 1980: 636; Виноградов 1972: 440; Петрухина 2009: 161-162]. Ясно, что «любое суждение о будущем в принципе имеет значение предположительности, что как раз и порождает соответствующую модальность» [Радбиль, 2011: 255].

Отметим также, что формы простого будущего и в значении обобщенного настоящего связаны с модальностью, что может порождать неоднозначность темпоральной семантики этих форм. Например: *Вам каждый объяснит, как туда проехать. У него абсолютный слух, он и сложную мелодию подберет.* В приведенных предложениях действия, выраженные формами простого будущего, могут интерпретироваться и как конкретные действия, осуществление которых возможно в будущем, и как узуальные потенциальные действия в рамках обобщенного настоящего. Однако во внеязыковой действительности и в языке существуют определенные условия, в которых модальные значения могут усиливаться или ослабляться.

В данной главе, рассматривая будущее время в русском языке в системе изъявительного наклонения и категории времени, основное внимание мы уделяем анализу условий, влияющих на связь форм будущего времени с модальностью. Этот вопрос мы считаем недостаточно изученным в русистике.

2. Типы модальных значений форм будущего времени

Проблема модальности до сих пор не получила общепризнанного решения в современной лингвистике. Мы исходим из определения модальности как функционально-семантической категории, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого говорящим [ЛЭС, 1990: 304].

Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи, но эта точка зрения типизирована для данного языка [Степанов 2004: 241-242]. Модальность связана с целым рядом модусов как субъективных

переменных к объективной семантической константе предложения – диктуму. Диктум, как было отмечено в первой главе, это то, что сообщается, модус – указание на то, как и кем это сообщается [Балли 2001: 69-82]. Модус можно определить как способ представления сообщаемого, как выражение позиции говорящего по отношению к тому, о чём он говорит. «В высказываниях *Я утверждаю (сомневаюсь, полагаю, знаю, отрицаю...), что выборы пройдут как обычно*, то, что помещено в скобках – это варианты пропозиционального отношения, или установки говорящего, выраженной пропозициональными предикатами...» [Краснова 2002: 96]. Соответственно схема смысловой организации предложения в монографии Т. И. Красновой выглядит следующим образом:

НОМИНАЦИЯ - ПРЕДИКАЦИЯ - ЛОКАЦИЯ

ПРОПОЗИЦИЯ / МОДАЛЬНОСТЬ

(ДИКТУМ) / (МОДУС)

объективное внеязыковое / субъективное отношение

содержание

коммуникативная целеустановка

номинативный аспект предложения

прагматический аспект предложения

[Краснова 2002: 96]

Отметим, что модусы выражаются не только эксплицитно, но и имплицитно. Модусы обычно представляют в модальной рамке предложения [Апресян, 1974; Вежбицкая, 1996: 68], которая может быть оформлена «в виде главного предложения в составе конструкции с диктумом в придаточном изъяснительном или в виде вводного предложения» [Краснова, 2002: 100], например: *Я уверен / Возможно / Надеюсь, что он вернется*. Модальная рамка может лишь подразумеваться и выступать как имплицитная оценка обозначаемого факта говорящим. Для ее восстановления обычно нужен более широкий контекст или знание ситуации.

В связи с анализом форм будущего времени особое значение приобретает имплицитное выражение модальных значений возможности, уверенности / неуверенности, желания, намерения, необходимости и др. С целью более конкретного определения субъективной модальности в плане будущего времени считаем целесообразным использовать семантическую классификацию модальных значений и работы Д. Ауверы и В.А. Плунгяна, в которой выделяется пять семантических областей [Auwera, Plungian, 1998], значимых и для плана будущего времени.

1) Внутренняя возможность (participant-internal possibility) или потребность, необходимость (participant-internal necessity) зависят от свойств участника события: *Boris can get by with sleeping five hours a night.* – Борис может обходиться пятью часами сна; *Boris needs to sleep ten hours every night for him to function properly.* – Борису надо спать десять часов каждую ночь, чтобы он мог нормально работать. (ср. у Ф. Р. Палмера «динамическую (dynamic)» модальность в разделе 1.7.5. с. 38)

2) Внешняя возможность (participant-external possibility) или потребность (participant-external necessity) могут определяться внешними по отношению к участнику события обстоятельствами. Например: *To get to the Station, you can take bus 66.* – Чтобы добраться до вокзала, вы можете сесть на 66-й автобус; *To get to the Station, you have to take bus 66* – Чтобы добраться до вокзала, вы должны сесть на 66-й автобус. Внешняя возможность может быть связана с социальными или этическими нормами: *John may leave now.* – Джон может сейчас уйти. *John must leave now.* – Джон должен сейчас уйти⁵. Оба типа возможности в логической традиции, а также в некоторых лингвистических работах определяются как алетическая модальность, связанная с потенциальными

⁵ О противопоставлении интенциональной (т.е. связанной с передачей внутренних переживаний, а также качеств человека) и экстенциональной (определяемой внешними обстоятельствами) семантики модальности см. также [Краснова, 2002: 105].

реального мира [Булыгина, Шмелев, 1997: 216]. (ср. у Ф. Р. Палмера «динамическую (dynamic)» модальность в разделе 1.7.5. с. 38)

3) Как самостоятельная область и в логике, и в лингвистике рассматривается деонтическая модальность (deontic modality), т.е. нормативная модальность долженствования: *Now you must tell a story.* – *Сейчас ты должен рассказать историю; He may not stay home alone.* – *Он не должен оставаться дома один.* Деонтическая модальность связывается «с долгом, с требованиями к поведению участников ситуации, предъявляемыми соответствующей системой правил» [Булыгина, Шмелев, 1997: 216]. (ср. у Ф. Р. Палмера «деонтическую (deontic)» модальность в разделе 1.7.5. с. 38)

4) При эпистемической модальности (epistemic modality) оценивается вероятность ситуации: *John must have arrived.* – *Джон, должно быть, приехал.* (ср. у Ф. Р. Палмера «эпистемическую (epistemic)» модальность в разделе 1.7.5. с. 37)

5) При волитивной модальности (volitive modality) выражается намерение или желание субъекта: *Fred wants to learn French.* – *Фред хочет учить французский язык* [Auwera, Plungian, 1998]. (ср. у Ф. Р. Палмера «динамическую (dynamic)» модальность в разделе 1.7.5. с. 38)

Экспликаторами модальных значений разных типов в русском языке выступают модальные предикаты и вводные слова, которые выражают «самые существенные для субъекта речи эмотивно-волитивные смыслы» [Краснова, 2002: 104]. К ним относятся следующие лексические единицы: *мочь, уметь, возможно, нельзя* (возможность / невозможность – алетическая модальность), *надо, нужно, необходимо, должен, обязан* (необходимость – деонтическая модальность); *вероятно, наверняка, обязательно, (не)уверен* и др. (степень уверенности / неуверенности, вероятности – эпистемическая модальность); *собираться, хотеть, намереваться* (желание, намерение – волитивная модальность). В основной части работы анализируется имплицитное (т.е. без поддержки лексических элементов) выражение данных значений формами

будущего времени, при этом отмечается, что лексические средства выражения могут использоваться в качестве верификаторов модальных смыслов. Для того чтобы исследовать модальные значения форм будущего времени, из НКРЯ было извлечено 200 контекстов с приблизительно 260 формами будущего времени⁶. Их имплицитные модальные значения были проанализированы с помощью опроса носителей русского языка (студентов и сотрудников филологического факультета МГУ).

3. Анализ употребления форм будущего времени с точки зрения модальности

3.1. Эксплицитное / имплицитное выражение модальности

В силу специфики значения форм будущего времени, выражающих действия еще не реализованные, их употребление может сопровождаться исходящей из контекста добавочной модальной семантикой, которая во многих случаях выражается лексическими элементами контекста. Чаще всего при формах будущего лексически маркируется эпистемическая модальность: значения предположения, вероятности и уверенности / неуверенности выражают такие слова, как *наверное, пожалуй, наверняка, обязательно, вряд ли*, занимающие в высказывании позицию вводных слов или сирконстантов. Например: *Знаете ли что: мне кажется, генерал так влюбился, что, пожалуй, застрелится, если mademoiselle Blanche его бросит* (Ф. Достоевский). *Я, наверное, уеду скоро, в Рим поучиться* (П. Алешковский). *Письмо, наверняка, **придет** утром или вечером* (Ю. Даниэль). *Если кто-то может покупать не в том магазине, где все*

⁶ При анализе семантики и форм аналитического будущего мы вводили запрос на форму буд* (с разными окончаниями, т. е. со звездочкой) на расстоянии до двух слов от глагола НСВ в форме инфинитива.

– обязательно будет там покупать. Если кто-то может лечиться в отдельной клинике, обязательно будет там лечиться (А. Солженицын).

Волитивная и деонтическая модальность, а также все типы возможности или потребности при глагольных формах будущего времени, как правило, не выражаются специальными лексическими средствами, так как их показатели, входя в предикатную группу, непосредственно сочетаются с инфинитивом (ср. *Я должен / обязан / хочу/ собираюсь / могу вам помочь*). При формах будущего времени эти типы модальности могут быть выражены имплицитно, как результат взаимодействия значения формы и контекста. Чаще всего выражаются намерение и возможность.

В нашей произвольной выборке примеров из НКРЯ (200 эксцерпций, содержащих около 260 форм будущего времени) не встретились случаи употребления форм будущего времени, четко выражающих деонтическую модальность. Лишь в нескольких предложениях можно усмотреть выражение долженствования как закономерной зависимости между двумя ситуациями. Например: *Слог вашего описания **будет зависеть** от впечатления, которое произвело на вас это событие* (В.Г. Белинский). Десять информантов (о них см. ниже), опрошенных в связи с данным предложением, определили его модальную окраску по-разному: лишь двое – как долженствование, шесть человек – как неизбежность или уверенность (что также связано с закономерной связью между событиями), двое не увидели в нем модальной окраски. А в специальной выборке примеров из научных, официальных и профессиональных текстов (при помощи поисковой системы Google) такие употребления не редкость – формы будущего времени выражают долженствование как закономерную, нормативную связь между двумя явлениями: одно должно вызвать другое. Например: *Уменьшение критической массы **будет наблюдаться** при увеличении плотности вещества*.

Наглядно синонимию форм будущего времени и конструкций с модальным словом *должен* демонстрируют утверждение новых стандартов и правил должностными лицами. Например, в следующем отрывке представлено

синонимическое употребление конструкций *должны будут иметь / будут иметь*: *С 2015 года все школьные учебники должны будут иметь электронную версию с возможностью интерактивного использования информации. Об этом, со ссылкой на заявление министра образования и науки России Дмитрия Ливанова, сообщает Интерфакс: «С 2015 года все учебники будут иметь мультимедийную версию со всеми интерактивными сервисами, которые необходимы для учебных действий».* Во второй части этого отрывка преобладают сложные формы будущего времени модальной конструкции с *должен*, которые без изменения смысла высказывания могут быть заменены на формы аналитического будущего. *Структура электронных учебников должна будет соответствовать* (ср. будет соответствовать) *их бумажному аналогу, в них должно будет включаться* (ср. будет включаться) *достаточное количество мультимедийных и интерактивных элементов* (<http://www.zelao24.ru/>).

В выборке из 200 эксцерпций встретилось всего одно предложение, в котором формы будущего времени выражают внутреннюю возможность как способность субъекта выполнить действие (а также уверенность говорящего в этом): *Кто не способен на этот подвиг, тот ничего не сделает и ничего не скажет* человечеству (В.С. Соловьев). Ср. также пример из другой подборки: *Передал ему копию надписи на плите; в компании с китайцами он справится с нею и... отлично переведет на русский язык* (П.К. Козлов). В данных предложениях есть косвенные показатели, определяющие связь реализации действий в будущем со свойствами и способностями их производителей, – *способен, справится, отлично*. Примеров на выражение возможности, определяемой внешними факторами, в нашей подборке встретилось больше – одиннадцать. Ср.: *Скажу наборщикам, и вы не получите оттиска* (К. Чуковский). *Полно, Зоя, перестань – ведь слезами ты не поможешь* (А.Н. Апухтин).

Следует отметить, что среди двухсот произвольно выбранных примеров на употребление форм будущего времени, извлеченных из НКРЯ, было всего 4

контекста, где модальные значения выражались лексическими средствами, т. е. эксплицитно, и во всех этих примерах представлена эпистемическая модальность: *Видимо, в ближайшее время появятся сообщения об увеличении их боевых возможностей.* («Известия», 2001.06.24); *Мне кажется, что некоторые стороны первых никогда не утратят своего значения в истории русского сознания и во многих ещё случаях будут служить опорой дальнейшему ходу как религиозного, так и национального у нас мышления.* (К. Н. Леонтьев)

Отметим, что употреблению лексических показателей эпистемической и волитивной модальности вместе с формами будущего времени мешает сочетаемость этих показателей, в частности модальные глаголы и предикативы со значениями желания и долженствования (хотеть, собираться, мочь, надо, нельзя и др.) сочетаются с инфинитивом.

3.2. Соотношение типов модальности

По нашим наблюдениям, формы будущего времени чаще связаны с эпистемической модальностью, прежде всего с уверенностью в осуществлении действия. Из двухсот произвольно выбранных примеров употребления форм будущего времени из НКРЯ эпистемическая модальность выражалась в 91 случае, возможность – в 12, волитивная модальность – в 80, 17 предложений мы определили как не имеющие модальной окраски. И хотя подсчеты эти приблизительные, так как границы между разными модальными типами нечеткие, все же они выявляют тенденции в распределении модальной окраски форм будущего времени.

Приведем несколько предложений, в которых выражается уверенность в осуществлении действий в будущем: *Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь – нет! трудиться ты не будешь, сдаться не сумеешь* (И.С. Тургенев). *Верю и всегда буду верить, что добродетель свойственна человеку и*

что он сотворен для добродетели (Н. М. Карамзин). Преобладание уверенности при имплицитном выражении эпистемической модальности соответствует общей закономерности: когда говорящий высказывается о будущем (*Завтра я пойду в театр. Через неделю мы уедем*), он обычно выражает уверенность в том, что это действие совершится [Радбиль, 2011: 254]. А неуверенность, сомнение, как правило, требует лексической экспликации – вводных слов типа *наверное, возможно*.

Данные выводы о реализации модальных значений при формах будущего времени подтверждает и опрос информантов, в качестве которых выступили студенты 2-го курса филологического факультета МГУ, которым было предложено для интерпретации одиннадцать произвольно выбранных высказываний с формами будущего времени. В предложениях (1), (2) и (3) из двенадцати информантов десять определили модальную окраску форм будущего времени как «уверенность»:

(1) *Через неделю **вернусь**, не переживай, что со мной может случиться!*
(Е. Гришковец)

(2) *Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь – нет! **трудиться ты не будешь**, сдаться не сумеешь* (И.С. Тургенев)

(3) *Они **найдут и разыщут** вас всюду, **прервут сон, оторвут** ваше внимание от работы, от интересной книги...* (Н. А. Тэффи).

Трое информантов из десяти восприняли третье предложение как угрозу или предупреждение в связи с неизбежным и, по всей видимости, нежелательным действием. Двое информантов усмотрели в первом предложении долженствование, вероятно потому, что с тем же значением возможно употребление конструкции с модальным словом *должен*, ср.: *Через неделю я **должен вернуться***. Эта конструкция выражает меньшую степень уверенности говорящего в реализации действия в сравнении с исходным вариантом.

По отношению к примеру (4) мнения разделились, семь информантов увидели здесь уверенность, пятеро – предположение или вероятность.

(4) *Сушину рубит и долго ещё **провозится**. Ведь надо её срубить, потом ветки обрубить, потом к избушке притащить* (Ю. Коваль).

Сходная картина неопределенности модальной семантики уверенности / неуверенности или опасения возможного действия проявилась и при интерпретации предложения (5).

(5) *Какой противный этот крокодил! Я даже испугалась, ещё кокетливее пролетела Елена Ивановна, – теперь он мне **будет сниться** во сне* (Ф.М. Достоевский).

Подобные предложения показывают, что восприятие высказывания с точки зрения степени выраженной уверенности / неуверенности в осуществлении действия может варьироваться в зависимости от общего контекста (а в ситуации реального диалога – от интонации, которая в данной ситуации не может быть учтена).

В примере (6), состоящем из двух предложений, большинство опрошиваемых отметило усиление уверенности во вставных предложениях. В придаточном предложении с союзом *если* выражено потенциальное, возможное действие, а в остальных частях (в том числе и в придаточном времени) – потенциальные действия, в осуществлении которых говорящий уверен.

(6) *Если Бонапарт **будет идти так** (а он **будет идти так**), то через три, от силы четыре недели **достигнет** порога моего дома. Когда он **явится** (а миновать Липеньки он не **сможет**), я **буду кормить** его обедом в большой зале* (Б. Окуджава).

В предложении (7) все двенадцать информантов определили имплицитно выраженную невозможность совершить действие, обусловленную внешними обстоятельствами.

(7) *Кроме немногих ракут, всегда готовых к услугам, да двух-трёх тощих берёз, деревца на версту кругом **не увидишь**: изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой* (И.С. Тургенев).

Это такой тип употребления, при котором совмещаются значения будущего времени и настоящего обобщенного: на основе личного опыта говорящего делается вывод о невозможности осуществить действие вообще, а значит и в конкретный момент в будущем. Ср. также: *Прощаясь со мной после моего выступления в Ашкелоне, организаторы вечера вежливо посетовали, что в темноте **не покажешь** города* («Октябрь». № 8. 2001). В данном предложении выражено общее утверждение, что в темноте вообще нельзя показать город и соответственно его нельзя показать в конкретное ночное время в ближайшем будущем – при таком употреблении настоящее обобщенное смыкается с будущим.

В двух предложениях десять информантов определило волитивную модальность – намерение:

(8) ***Буду отвечать** вам по пунктам, как говорят подьячие* (А. С. Пушкин).

(9) *Дмитрий Павлович внимательно прочел письмо и спросил: «**Напишешь** ему?» – «Нет, – ответила Софья Яковлевна, – терпеть не могу переписываться»* (Б. М. Левин).

Ср. также выражение намерения в следующих предложениях: *Я **не буду** с тобой спорить, потому что ты всё равно не прав* (Запись LiveJournal, 2004); *Скажите мне, что я должна читать? скажите, что я должна делать? Я **все буду делать**, что вы мне скажете, – прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне* (И. С. Тургенев).

В примере (10) большинство информантов отметило несколько взаимосвязанных модальных значений форм простого будущего: неуверенность в будущих действиях, желание их осуществить, надежду на это:

(10) *Мы уедем? Ведь мы завтра уедем?* – приходило ей вдруг беспокойно в голову, – ну... (и она задумалась) – ну, а **догоним** мы бабушку, как ты думаешь? В Берлине, я думаю, **догоним** (Ф. М. Достоевский).

Комплекс модальных значений выражается и в следующем примере (из нашей подборки) с формами простого и аналитического будущего: *Мы здесь **заживем** дружно, верно? ... Как в самом начале. По вечерам **будем читать, разговаривать** ... Будем?* (А. В. Вампилов).

Думая о будущем, человек намеривается сделать что-то, даже обещает, но не всегда выполняет свои обещания, выражает уверенность в осуществлении действий, но часто ошибается. На противопоставлении высоких намерений-обещаний, в реализации которых покидающий Россию писатель не сомневался, и обыденной реальной жизни в эмиграции построен гротескный «рассказ в рассказе» «Трагедия русского писателя» А. Аверченко, тяжело переживавшего свою собственную эмиграцию в отрыве от русского языка и культуры. Приведем небольшой отрывок из рассказа, в котором употреблены формы будущего времени, выражающие обещание говорящего не забыть Родину и уверенность в осуществлении своих намерений (деонтическая модальность сочетается с эпистемической): *Русский пароход покидал русские берега, отправляясь за границу. Опершись о борт, стоял русский писатель рядом со своей женой и тихо говорил: – Прощай, моя бедная, истерзанная родина... И на чужбине я **буду помнить** твои маленькие церковки и зеленые монастыри, **буду помнить** тебя, холодный красавец Петербург, твои улицы, дома, **буду помнить** «Медведя» на Конюшенной, где так хорошо было запить расстегай рюмкой рябиновой. На всю жизнь **врежешься** ты в мозг мой — моя смешная, нелепая, бесконечно любимая Россия!*

Как известно, из содержания данного рассказа уже через несколько лет жизни в Париже этот писатель в эмиграции забыл о своих обещаниях, забыл «любимую Россию», утратив и способность писать на русском языке.

3.3. Ослабление модальности

В определенных условиях контекста модальность форм будущего времени в русском языке может ослабляться. Основным условием такого ослабления является ориентация действия не только или не столько на момент речи, сколько на какую-нибудь другую точку отсчета, функцию которой обычно выполняет другое действие. Так, в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия действие главного предложения ориентировано на потенциальное действие придаточного, и в этой ориентации модальная окраска главного действия, как правило, ослабевает. Например: *Если он будет плыть со скоростью 36 километров в час, то каждые 5 минут температура тела будет повышаться на один градус* («Юный натуралист»). *Если он придет, ты познакомишься с ним ближе* (Ю. Трифонов). *Если он побежит за мной в лес, я не стану убежать* (В. Аксенов). По мнению Т. Б. Радбиля, «в высказывании типа *Если ветер разгонит тучи, то завтра будет хорошая погода* модальность сильного предположения о будущем событии уступает место значению обязательного наступления некоторого события при определенных условиях [Радбиля 2011: 259-260]».

В сложных предложениях с придаточным времени союз *когда* указывает на интерпретацию действия говорящим как реального, что обуславливает отсутствие модальных смыслов и в восприятии действия в главной части. Например: *Когда апрель настанет, то растут почки в многочисленных садах вокруг Арбата, и зеленое благословение выльется – душистым, милым опереньем* (Б.К. Зайцев); *Когда вы начнете надувать шарик, нарисованные «галактики» будут расходиться все дальше и дальше одна от другой* («Наука и жизнь», 2008); *Отмеченный парадокс станет очевиднее, когда мы сопоставим результаты еще двух опросов* (Э. Щербенко).

Наш материал показал, что формы будущего времени чаще используются в сложных предложениях с придаточными условными, чем с придаточными времени. В НКРЯ соотношение употреблений форм будущего времени в

предложениях с союзом *если* и *когда* составляет 76 956 к 48 973, что свидетельствует о преобладании восприятия будущих действий как потенциальных (с *если*). По всей видимости, предпочтение отдается обозначению будущих действий в речи в рамках импликатур ‘если А, то Б’ (здесь уместно вспомнить известную формулу Л.Н. Толстого «если буду жив», которую он вставлял в свои письма и дневники).

Если речь идет о нереперентном употреблении глагольных форм, то временные отношения между действиями в сложноподчиненном предложении устанавливаются в рамках соответствующего текста, что также способствует ослаблению модальности форм будущего времени. Такое употребление данных форм особенно характерно для научных и специально-профессиональных текстов. Например: *При организации коррекционной работы дефектолога встает вопрос о необходимости создания таких условий обучения детей, при которых **будут формироваться** произвольность и способность к волевому усилию* (Вопросы психологии, 2004). *Очевидно, если программные продукты для проектирования и исполнения бюджета **будут совместимы** между собой, это стимулирует продвижение каждого из них* (Computerworld, 2004).

Отсутствует модальность и при относительном употреблении форм будущего времени в контексте прошедшего времени, когда они, выражая следование по отношению к действию в прошлом, выражают «будущее в прошедшем». Например: ***Пройдет** почти 40 лет – и старик Тургенев, потерявший родину, молодость, почти всех близких, но сохранивший верность однажды избранному ориентиру, **будет** молча **плакать** в парижской церкви русского посольства – во время благодарственного молебна за Государя Александра Николаевича, объявившего февральский Манифест 1861 года* (А. Архангельский).

3.4. Модальные значения форм будущего времени в зависимости от форм лица

Приведенный языковой материал показывает, что модальные значения возможности, степени уверенности в совершении будущих действий (эпистемическая модальность), намерения и желания совершить действие (волитивная модальность), долженствования как закономерной связи двух ситуаций (деонтическая модальность) могут быть выражены глаголами обоих видов, различия в их соотношении незначительны. Без модального значения также могут быть употреблены как глаголы СВ, так и НСВ, но в нашей подборке больше примеров на формы простого будущего. Связь типов модальности с видом глаголов требует дополнительного изучения на более обширном материале. В целом же в НКРЯ значительно более частотны формы простого будущего (всего 2 431 096 употреблений), чем формы аналитического будущего (165 224), при этом надо учитывать, что часть форм простого будущего употреблена в значении обобщенного настоящего.

Более определенная зависимость выражения модальных значений при употреблении форм будущего времени выявляется от форм лица. Количественный анализ употребления форм будущего времени в НКРЯ в зависимости от формы лица показал, что наибольшей частотностью обладают формы 3-го лица. Приведем данные отдельно по формам простого и аналитического будущего. Соотношение употреблений форм аналитического будущего по лицам таково: 1-е лицо – 50 098 форм, 2-е лицо – 15 737, 3-е лицо – 115 059. У простого будущего также более частотны формы 3-его лица: 1-е лицо – 701 230, 2-е лицо – 331 563, 3-е лицо – 1 563 300.

На примере 200 контекстов из НКРЯ, содержащих формы будущего времени, была рассмотрена связь типов модальности с формами лица. В таблице ниже показана частотность проявления того или иного типа модальности при использовании разных форм лица.

модальное значение	1-ое лицо	2-ое лицо	3-е лицо	сумма
<i>волитивная модальность</i>	64 (94%)	15 (43%)	1 (1%)	80 (40%)
<i>возможность</i>	1 (1.5%)	10 (30%)	1 (1%)	12 (6%)
<i>эпистемическая модальность</i>	2 (3%)	9 (5%)	80 (83%)	91 (46%)
<i>без модальных значений</i>	1 (1.5%)	1 (2%)	15 (15%)	17 (8%)
<i>сумма</i>	68 (34%)	35 (17%)	97 (49%)	200 (100%)

3.4.1. Модальные значения форм будущего времени 1-ого лица

Приведенная выше таблица показывает, что чаще всего формы 1-ого лица будущего времени выражают волитивную модальность (94%), обычно это модальные значения намерения и обещания. Ниже даны примеры таких контекстов (в скобках мы указываем на лексические идентификаторы данных модальных значений, которые имплицитно выражают формы будущего времени).

(11) *Как же можно приходить на прослушивание с неподготовленным репертуаром? — "Хорошо, я буду петь наизусть".* (И. К. Архипова) [намерение: хочу, собираюсь]

(12) — *Ты знаешь, это очень длинная история, я тебе её как-нибудь потом расскажу.* («Даша», 2004) [обещание, обещаю]

(13) *Я нашёл свою тему! Я предам всех вас вечности. Клянусь, я это сделаю.* (В. П. Катаев) [намерение: собираюсь]

(14) *Я буду бороться против них; и для этого обращусь ко Христу и буду кричать к Нему: Господи, очисти!* (митрополит Антоний) [намерение: собираюсь]

Среди рассмотренных нами примеров был один контекст, в котором глагол в форме будущего времени первого лица имплицитно выражает модальное значение возможности.

(15) ... И я во сне жалел об их исчезновении, сочувствовал их воображаемой, непонятной печали и жил и засыпал в том неизъяснимом состоянии, которого никогда **не узнаю** наяву. (Г. А. Газданов.) [= не смогу узнать]

Ниже даны примеры тех случаев, когда глагол в форме будущего времени первого лица имплицитно выражает эпистемическую модальность. Среди рассмотренных нами 200 примеров мы нашли только два таких контекста.

(16) — *Ведь не всегда же мы **будем жить** вместе,* — отвечала Катенька, слегка краснея и пристально взглядываясь в спину Филиппа. — *Маменька могла жить у покойницы вашей маменьки, которая была ее другом; а с графиней, которая, говорят, такая сердитая, еще, Бог знает, сойдутся ли они? Кроме того, все-таки когда-нибудь да мы **разойдемся**: вы богаты — у вас есть Петровское, а мы бедные — у маменьки ничего нет.* (Л. Н. Толстой)

(17) *Теперь темница наша обратится в рай; мы **будем жить** в ней счастливо; верные товарищи наши, любовь и дружба, — вечно с нами, и мы умрем здесь счастливыми...так, счастливыми;* (Неизвестный)

Для того, чтобы определить точно модальное значение предложения (16), нужно знать содержание данного литературного произведения: хочет ли Катенька «разойтись» или это для нее нежелательно и она хотела бы «жить вместе». Если исходить только из данного контекста, то наличие частиц «ведь» и «да» свидетельствует о том, что субъект речи (Катенька) уверена в неизбежности этих событий.

Среди рассмотренных нами примеров был лишь один случай, когда глагол в форме будущего времени первого лица не выражал никакого модального значения. В следующем примере само лексическое значение глагола «надеяться»

выражает эпистемическую модальность, поэтому роль формы будущего времени в выражении модального значения уменьшается.

(18) *Если эта встреча состоится, будем надеяться, что переговорный процесс возобновится.* (С. В. Конузин)

3.4.2. Модальные значения форм будущего времени 2-ого лица

Согласно данным нашего исследования, чаще всего формы 2-ого лица будущего времени также выражают волитивную модальность (43%). Как и в случае с формами первого лица, здесь волитивная модальность представлена модальным значением намерения. Ниже даны примеры такого рода контекстов

(19) — *Вы сюда на войну **приедете**?* — спрашиваю я их озабоченно. («Коммерсантъ-Власть», 1999) [собираетесь?]

(20) *Невидимка Колька Спиридонов. — **Будеешь** с нами **обедать**? — Ещё как буду!..* (М. Сергеев) [хочешь?]

(21) — *Ты **будеешь** вечно **держат** меня в чёрном теле, да?* (И. Муравьева) [собираешься?]

При рассмотрении контекстов с формами второго лица, было обнаружено, что модальное значение возможности также выражается во многих случаях (30%). Но здесь необходимо различать случаи, когда глагол в форме будущего времени выражает настоящее неактуальное и потенциальное при обобщенном лице.

В русском языке форма будущего времени 2-ого лица может выражать обобщенное лицо. Данная форма используется для обобщения личного опыта говорящего, см. [ТФГ Персональность Залоговость 1991: 75] или обобщения опыта народа (в пословицах и поговорках). Обычно это предложение с отрицанием, которое выражает смысл 'нельзя, невозможно'. Среди рассмотренных нами примеров таких случаев было довольно много (8 примеров из 10). Ниже даны примеры такого рода контекстов.

(24) *Из английского текста и не поймёшь* — леди упала или джентльмен?

(В. Аксенов) (= нельзя понять)

(25) — *Нет. Меня не обманеешь. Это капуста, что в дальних странах растёт.* (О. Тихомиров) [= невозможно обмануть]

(26) *Да, к такой стене уж не прижмёшься спиной!*

(Ю. О. Домбровский) [= невозможно прижаться]

(27) — *Полно, полно, Даша, так убивать себя! Ведь этим горю своему не пособишь.* — *Ах, мои родные!* (П. Ю. Львов) [= не сможешь помочь]

(28) *Даже не разберёшь в нём, что он — ломается, роль на себя напустил, или бредит взаправду?* (А. В. Амфитеатров) [= невозможно разобрать]

Нам встретилось только 2 примера, когда глагол в форме будущего времени второго лица выражает значение будущего времени с модальным элементом возможности.

(29) — *Чем ты докажешь мне любовь и верность свою?*

(Неизвестный) [= чем ты сможешь доказать?]

(30) *Хоть какой-то стимул идти быстрее, а то иначе до дома до ночи не доберёшься.* («Даша», 2004) [= не сможешь добраться]

Среди рассмотренных нами контекстов было 9 случаев, когда глагол в форме будущего времени 2-ого лица имплицитно выражает эпистемическую модальность. При этом во всех этих контекстах представлено значение уверенности, как в следующих случаях:

(31) *Делая эти упражнения, ты почувствуешь себя грациозным существом, мягко вышагивающим кошачьей походкой.* («Даша», 2004)

(32) *Где любовь истинная, там не будешь знать ни зимы, ни лета, ни осени; одна только весна будет с тобою; касаясь сцен любви, покрытых вечными розами, что можно видеть, кроме весны!* (Неизвестный)

(33) *А ты полмесяца пробудешь в простое и получишь строгача!*

(Ю. О. Домбровский)

(34) *Вот третий год уже наступает, и скоро будешь ты жить*

по-прежнему с мужем своим. (М. Гаршин)

(35) *Пальцем не пошевелю, чтобы вытащить вас. Да вы и не будете топиться!.. — Не буду?* (А. Т. Аверченко)

Среди 200 контекстов был только 1 пример, в котором глагол в форме будущего времени второго лица не сопровождался каким-либо модальным значением. Это сложноподчиненное предложение с придаточным условия, в котором действие главной части предложения ориентировано на потенциальное действие в придаточной части. В таком предложении, как мы отмечали в разделе 3.3., модальная окраска главного действия ослабевает.

(36) *... И вообще, чем больше **будете** этому **уделять** внимание, тем больше вызовете его интерес. Просто наблюдайте, а уж при возможности пусть конечно папа с ним говорит, и не навязчиво, а в плане беседы.* («Подростки», 2004)

3.4.3. Модальное значение форм будущего времени 3-его лица

Как мы видели в таблице, приведенной выше, чаще всего формы 3-го лица будущего времени выражают эпистемическую модальность (83%). Следует отметить, что во всех примерах такого типа выражается значение уверенности, как в следующих примерах.

(37) *Они **будут продолжаться** вечно, мы сейчас об этом спорим, и этим мы продолжаем Достоевского.* (М. М. Бахтин)

(38) *И прекрасно справлюсь одна. Тётя Паша **будет** **приходить**. Ты рядом, есть телефон— господи, какие проблемы?* (Ю. Трифонов)

(39) *Парикмахер **отречётся**, Маша **будет** только **плакать**, а жена Копнева тебя **возненавидит** — вот и всё, чего ты **достигнешь**.* (Ю. О. Домбровский)

(40) *Один из них рано или поздно **сообщит** вам наружную температуру воздуха.* («Столица», 1997)

(41) *К услугам подхалимы, **смотрят** и **ждут**, но, конечно же,*

*ничего смелого от Михайлова они не **дождутся**.* (В. Маканин)

Среди рассмотренных нами контекстов был лишь один пример, в котором глагол в форме будущего времени третьего лица имплицитно выражает волитивную модальность (модальное значение намерения).

(42) *Уважая судебные процедуры государства Катар, наши адвокаты **подадут** апелляцию с целью пересмотра принятого решения.* («Дипломатический вестник», 2004) [= собираются подать]

Также был один пример, в котором глагол в форме будущего времени третьего лица имплицитно выражает модальное значение возможности. Здесь выражается внутренняя возможность как способность субъекта выполнить действие.

(43) *Кто не способен на этот подвиг, тот ничего **не сделает и ничего не скажет** человечеству.* (В.С. Соловьев) [= не сможет сделать и ничего не сможет сказать]

Следующие предложения – это примеры тех случаев, когда глагол в форме будущего времени третьего лица не сочетается с выражением какого-либо модального значения. Их оказалось немало (15%). Необходимо обратить внимание на то, что в большинстве случаев (14 примеров из 15) или контекст предполагает, что деятельность созданного управления запланирована, поэтому форма будущего времени не выражает модальных значений, как в примерах (44), (45), (46), или форма будущего времени просто выражает осуществление события в будущем, поэтому форма будущего времени не выражает модальных значений, как в примере (47). В таких случаях трудно определить, выражается ли уверенность, поэтому требуется более широкий контекст.

(44) *Возможности этих перемен **будут обсуждаться** в Париже летом будущего года.* («Поиск», 2003)

(45) *Деятельность этого управления **будет охватывать** вузы, техникумы, ПТУ, как в плановом порядке, так и в ответ на сигналы из образовательных учреждений.* («Поиск», 2003)

(46) *Просила не беспокоиться, Толмачев **привезёт** её не позже двенадцати.* (Ю. Трифонов)

(47) *Новички **будут уметь** совершать взлёт и посадку в различных погодных условиях — в дождь, снег, туман, а также ночью.*

(«Финансовая Россия», 2002)

4. Выводы

В данной главе мы рассмотрели связь форм будущего времени с модальностью. Результаты нашего анализа показывают, что формы будущего времени выражают разные модальные значения (намерение, возможность, уверенность, сомнение).

Наше исследование показало, что модальные значения форм будущего времени в русском языке четко не разграничены. Например, в предложении *Какой противный этот крокодил! Я даже испугалась, – теперь он мне **будет сниться** во сне.* семь информантов увидели уверенность, пятеро – опасение. Однако в других предложениях единообразных ответов было значительно больше. Например, в предложении *Через неделю **вернусь**, не переживай, что со мной может случиться!* десять информантов увидели уверенность.

Значение уверенности в предложениях с формами будущего времени выступает как наиболее частая реализация эпистемической модальности. Из 200 рассмотренных примеров, где глагол в форме будущего времени чаще всего выражает эпистемическую модальность, основное значение, выражаемое в контекстах, – это модальное значение уверенности (91 пример из 200, 46%), далее наиболее частотной является волитивная модальность, т. е. модальное значение намерения (80 из 200 примеров, 40%). Наконец, меньше всего оказалось контекстов, в которых представлено модальное значение возможности (12 примеров из 200, 6%). Ниже приведена таблица, отражающая частотность выражения каждого модального значения:

модальное значение	сумма
эпистемическая модальность (значение уверенности)	91 (46%)
волитивная модальность (значение намерения)	80 (40%)
возможность	91 (46%)
без модальных значений	17 (8%)
сумма	200 (100%)

Для того, чтоб выразить неуверенность необходимы лексические показатели *наверное, возможно*, как в следующих предложениях: *А в конце последнего учебного года, увидев в газете мое имя среди участников юношеского первенства области, Александр Исаевич с укоризной предупредил: «Ты, наверное, все лето будешь играть в шахматы, а потом опозоришь школу на вступительных экзаменах в институт»* («64 — Шахматное обозрение», 2004); *Был освобожден из плена 4 мая и сейчас проходит проверку в фильтрационном лагере. Возможно, его скоро отпустят домой, и тогда он обо всем подробно расскажет* (Р. Б. Ахмедов).

Кроме того, согласно результатам анализа, подтверждается наличие тесной связи между категорией лица и выражаемыми модальными значениями. Количественный анализ употребления форм будущего времени в НКРЯ в зависимости от формы лица показал, что наибольшей частотностью обладают формы 3-го лица. Соотношение употреблений форм аналитического будущего по лицам было таково: 1-е лицо – 50 098 форм, 2-е лицо – 15 737, 3-е лицо – 115 059. У простого будущего также более частотны формы 3-его лица: 1-е лицо – 701 230, 2-е лицо – 331 563, 3-е лицо – 1 563 300. При анализе произвольно выбранных примеров мы также видели, что модальное значение намерения и обещания чаще выражается в формах 1-го лица (94%), модальное значение уверенности – в формах 3-го лица (83%). Употребление форм будущего времени без модальных значений чаще встречается также в формах 3-его лица (15%).

Наконец, наше исследование показывает, что в русском языке бывают случаи, когда невозможно разграничить употребление форм будущего времени с модальным значением и без него. Форма будущего времени, в зависимости от контекста, может выражать модальное значение уверенности или просто осуществление будущего действия – это «фактивное» значение будущего времени. Модальная окраска ослабевает в определенных синтаксических условиях: в сложноподчиненном предложении с придаточным условия и сложном предложении с придаточным времени.

В данной главе мы не затрагивали сложную когнитивную проблему восприятия будущего (как реальности, обусловленности или гипотетичности), которая зависит от индивидуальных особенностей человека и его жизненной философии. В русской речи возможно выражение воликативной модальности в плане будущего времени при помощи конструкций *я хотел бы, хочет, собираюсь, собирается*. Но наше исследование показало, что в НКРЯ сочетание формы настоящего времени глагола *собираться* с инфинитивом встречается всего 10587 раз. На фоне данных о частотности форм будущего времени (2 596 320 раз) это не высокий показатель. В связи с этим возникает вопрос, который сформулировал Т.Б. Радбиль. «Почему, располагая огромными системно-языковыми возможностями в выражении самых разнообразных оттенков и нюансов объективной и субъективной модальности, говорящий стабильно выбирает форму будущего в изъявительном наклонении независимо от того, модальное или фактивное значение будущего он предполагает выразить?» [Радбиль, 2011: 262]. У нас нет исчерпывающего ответа на этот не только лингвистический, но и философский вопрос, мы можем сделать лишь одно предположение. Даже тот небольшой языковой материал, который проанализирован в данной диссертационной работе, свидетельствует о взаимодействии разных модальных смыслов при употреблении форм будущего времени (возможности и вероятности; желания, намерения и уверенности / неуверенности; необходимости и долженствования и т.д.), тем не менее, формы

будущего времени, оставаясь в рамках изъявительного наклонения, не утрачивают связь со значением реальности. ИмPLICITное выражение изучаемыми глагольными формами взаимодействующих модальных интерпретаций еще не осуществленных действий, по всей видимости, отражает сложное отношение говорящего к будущему в русской языковой картине мира.

Глава 4. Взаимодействие вида и модальности в русском языке в зеркале корейского языка

1. Вступление

Для того чтобы лучше понять особенности русской видо-временной системы и её функционирование, полезно взглянуть на русский язык с позиций нерусского языкового мышления. Для исследования связи глагольного вида с модальностью и категорией времени может быть интересным сопоставление русского языка с корейским, в котором будущее время выражается не грамматически, а при помощи модальных показателей и контекста. Другая особенность корейской грамматической системы заключается в том, что аспектуальная информация также не является обязательной для выражения, но при необходимости обозначается лексическими средствами.

В данной главе проводится сопоставление модальных и аспектуальных характеристик действия при обозначении предстоящих действий в русском и корейском языках. Перед этим излагаются основные сведения о способах выражения времени и аспектуальной характеристики действия в корейском языке.

2. Различия в выражении времени и аспектуальных значений между русским и корейским языками

Самое принципиальное различие между русским и корейским языками в выражении времени заключается в разном устройстве грамматической категории времени. В русском языке категория времени состоит из трех граммем — прошедшего, настоящего и будущего, при этом будущее время имеет грамматическое выражение и входит в систему изъявительного наклонения. А в корейском языке категория времени состоит из двух граммем: граммемы прошедшего и непрошедшего времени [Lee Ik Sop 2009: 238-239, Lee Jae Seong 2001: 49]. Граммема прошедшего времени имеет формальный показатель «-ss-».

Его наличие в предложении однозначно указывает на то, что действие было совершено в прошлом. Форма непрошедшего времени, имеющая показатель «-n-», называется так потому, что может выражать и настоящее, и будущее время.

Уточнение времени зависит от контекста, например:

- (1) *Uri-nun* ('мы + показ. им. пад.') *neil* ('завтра')
imunje-rul ('эта проблема + показ. вин. пад.')
ponyiha-n-da ('обсуждать⁷ + показ. непрошедшего вр. + окон. глагола⁸)
'Мы **завтра** будем обсуждать эту проблему.'
- (2) *Uri-nun* ('мы + показ. им. пад.') *jigum* ('сейчас')
imunje-rul ('эта проблема + показ. вин. пад.')
ponyiha-n-da ('обсуждать + показ. непрошедшего вр. + окон. глагола')
'Мы **сейчас** обсуждаем эту проблему.'

В корейском языке будущее время может быть выражено формой на «-n-» и при отсутствии лексических маркеров будущего времени типа *neil* ('завтра'), *ilnyonhue* ('через год'). В этом случае на будущее время указывают модальные показатели, например:

- (3) *bi-ga* ('дождь + показ. им. пад.') *ganghage* ('сильно')
o-gess-oyo ('прийти + **мод. показ. уверенности** + окон. глагола')
'Будет идти сильный дождь.'
- (4) *gu-nun* ('он + показ. им. пад.') *umak-ul* ('музыка + показ. вин. пад.')
gongbuha-lgo-da ('заниматься + **мод. показ. намерения** + окон. глагола')
'Он будет заниматься музыкой.'
- (5) *Gu-nun jib-ul* ('дом + показ. вин. пад.')

⁷Как известно, у корейского глагола нет категории вида, поэтому в русском подстрочном переводе корейских предложений мы выбираем вид глагола, исходя из общего контекста и значения корейского предложения.

⁸ В корейском языке окончания «-(o)yo», «-(umni)da», «-ji», «-ne», «-o», «-gumon», «-di» служат для обозначения предикативности глагола в конце предложения.

ji-lgo-da ('строить / построить + мод. показ. намерения + окон. глагола')

'Он будет строить / построит дом.'

В русском языке модальные значения также могут быть выражены эксплицитно в модальной рамке предложения [Апресян 1974; Вежбицкая, 1996: 68], которая может быть оформлена «в виде главного предложения в составе конструкции с диктумом в придаточном изъяснительном или в виде вводного предложения» [Краснова 2002: 100], например: *Я уверен / Возможно / Надеюсь, что он вернется.* Но модальная рамка в русском языке, в отличие от корейского, при обозначении предстоящих действий может лишь подразумеваться и выступать как имплицитная оценка обозначаемого факта говорящим. Формы будущего времени имплицитно выражают модальные значения, как мы выяснили в разделе 3.3.1.

В области аспектуальности принципиальное различие между корейским и русским языками заключается в том, что информация о завершенности / незавершенности, результативности / нерезультативности действия в корейском языке, в отличие от русского языка, не является обязательной.

(6) *Uri-nun* ('мы + показ. им. пад.') *moskva-e* ('Москва + показ. дат. пад.')

jib-ul ('дом + показ. вин. пад.')

ji-lgo-da ('строить / построить + мод. показ. намерения + окон. глагола')

'Мы будем строить / построим дом в Москве.'

В примере (6) значение будущего времени вытекает из модального значения намерения. А аспектуальное значение остается невыраженным. Поэтому это предложение можно переводить на русский как с помощью глаголов СВ, так и с помощью глаголов НСВ. Для эксплицитного выражения аспектуального значения в будущем времени в корейском языке используются служебные глаголы, которые выражают завершенность события (*borida* — 'бросить', *chiuda* — 'убрать', *duda* — 'положить'), т. е. аспектуальные значения

в корейском языке выражаются аналитически [Park Dok Yu 2007: 186-201]. Если в корейском предложении такие показатели есть, то при переводе на русский язык используется глагол СВ, как в примере (7).

(7)

Na-nun ('я + показ. им. пад.') *sagoa-rul* ('яблоко + показ. вин. пад.')
togo-chiu-lgo-da

(‘есть + **служ. глагол ‘убрать’** + мод. показ. намерения + окон. глагола)
‘Я **съем** яблоко.’

Подобных вспомогательных глаголов для выражения длящегося процесса в корейском языке нет, но это аспектуальное значение может выражаться с помощью обстоятельств незамкнутой длительности типа *долго, два года*, которые в русском переводе требуют употребления НСВ, как в примере (8).

(8) *Uri-nun* ('мы + показ. им. пад.')

jib-ul ('дом + показ. вин. пад.') *oretdongan* ('долго')

ji-lgo-da ('строить + мод. показ. намерения + окон. глагола')

‘Мы **будем строить** дом **долго**.’

Если в корейском предложении употреблена конструкция с обстоятельством замкнутой длительности типа *за два года*, то в русском переводе используется глагол СВ, как в примере (9).

(9) *Uri-nun* ('мы + показ. им. пад.')

jib-ul ('дом + показ. вин. пад.') *inyonmane* ('за два гола')

ji-lgo-da ('построить + мод. показ. намерения + окон. глагола')

‘Мы **построим** дом **за два года**.’

Для изучения особенностей выражения аспектуальных значений в будущем времени в русском языке интересно провести сопоставление русских предложений с корейскими. В корейском языке значение будущего времени выражается не грамматически, а лексическими показателями (как временными, так и модальными).

3. Сопоставление корейских и русских эквивалентных предложений, выражающих действия в будущем

Для изучения взаимодействия времени, вида и модальности мы проанализировали пьесу «Дядя Ваня» А. П. Чехова, выбрав все предложения, где глагол стоит в форме будущего времени, и сопоставили текст оригинала с его корейским переводом. Мы работали также с корейским романом «Ommarul Butakhe» («Пожалуйста, позаботься о маме») и проанализировали все предложения, где глагол используется с модальным показателем при обозначении предстоящих событий, после чего текст оригинала мы сопоставили с его русским переводом.

Среди 29 предложений из корейского романа «Ommarul Butakhe», где контекст указывает на будущие события, встретилось лишь одно предложение, в котором аспектуальное значение завершенности действия эксплицитно выражается служебным глаголом. Это предложение переведено на русский язык глаголом СВ, как в примере (10).

(10)

<i>ssauge-doe-lgo-da</i> 'спорить + служ. глагол 'стать' + мод. показ. уверенности + окон. глагола'	'Споры никогда не утихнут'
--	-------------------------------

При использовании служебного глагола «*doe*» ('стать') эксплицитно выражается аспектуальное значение завершенности действия, а модальный показатель уверенности «*-lgo-*» указывает на будущее время.

Среди 27 предложений из пьесы «Дядя Ваня», где глагол имеет форму простого будущего времени, 5 предложений переведены на корейский язык с помощью служебного глагола, который выражает аспектуальное значение завершенности действия, как в примере (11).

(11)

Нянька, ведь не помянут!	<i>uimo</i>	<i>gunomdul-un</i>	<i>ijo-bori-lgo-eyo!</i>
	‘нянька’ ‘они + показ. им. пад.’ ‘забыть + служ. глагол ‘бросить’ + мод. показ. уверенности + окон. глагола’		

В примере (11) приведена реплика из монолога Астрова. Астров не уверен в том, что, те, кому он помогает, вспомнят о нём впоследствии. Поэтому из контекста ясно, что слово «помянут» не имеет значения повторяемости, а называет однократное событие. В русском предложении это значение выражается видом глагола (СВ), в корейском предложении это значение выражается служебным глаголом «*bori* (бросить)». Следует отметить, что в корейском языке могут сочетаться показатели многократности – например, слова всегда, много раз и т. д. с показателем завершенности (служебный глагол ‘бросить’ или ‘стать’). В таких случаях выражается аспектуальное значение многократности. В данном примере в корейском предложении не использовался показатель многократности, и то, что речь идёт об однократном событии, выводится из служебного глагола «*bori* (бросить)» и из контекста.

В остальных 22 случаях аспектуальные маркеры в корейских предложениях отсутствуют: аспектуальная семантика единичности и завершенности действия вытекает из общего контекста, как в примере (12) или иногда остается невыраженной: бывает случаи, когда даже близкий контекст не дает информации об этом, в то время как в русском языке такие значения выражаются видом глагола.

(12)

Мы услышим ангелов.	<i>chonsadol-yi</i>	<i>sori-ga</i>	<i>dulri-lgo-eyo!</i>
	‘ангелы + показ. род. пад.’ ‘звук + показ. им. пад.’ ‘услышать + мод. показ. уверенности + окон. глагола’		

В примере (12) однократность в русском предложении выражается видом глагола, однако в корейском предложении единичность или повторяемость не выражены, так как в предложении нет показателя таких значений. Но из контекста ясно, что речь идет об однократном событии⁹.

Сопоставительный анализ предложений также показал, что русские глаголы в форме будущего времени были переведены на корейский язык с помощью модальных конструкций: из 39 выбранных предложений с показателем уверенности — 10 предложений, с показателем предположения — 3, с показателем намерения — 12, с показателем возможности — 3 и показателем долженствования — 1 предложение. Из оставшихся 10 предложений 3 предложения были переведены на корейский язык без модальных показателей, как в примерах (13), (14), (15).

(13)

Как я проживу эти тринадцать лет?	<i>sipsamnyon-ul</i> '13 лет + показ. вин. пад.' глагола'	<i>ottoke</i> 'как'	<i>salaga-ji?</i> 'жить + окон.'
--	---	------------------------	-------------------------------------

В примере (13) русская форма СВ *проживу* переведена на корейский язык без модальных показателей и без показателей прошедшего времени «-ss-», поэтому переведенное корейское предложение имеет значение настоящего времени. Но из общего контекста ясно, что речь идет о следующих 13 годах.

⁹ «Соня: ... **когда наступит наш час**, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали, что мы плакали, что нам было горько, и бог сжалится над нами ... **Мы услышим ангелов ...**» (взято из 4-ого действия)

(14)

	<i>jo-n</i>	<i>onul</i>	<i>jiburo</i>	<i>dolagab-n-ida</i>
Я сегодня уеду.	‘я + показ. им. пад.’ ‘сегодня’ ‘домой’ + показ. непрош. вр. + окон. глагола.’			‘возвращать’

В примере (14) русская форма СВ *уеду* переведена на корейский язык с показателем непрошедшего времени «-n-» и без модальных показателей. Поэтому переведенное корейское предложение имеет значение настоящего времени. В оригинальном русском тексте глагол имеет значение будущего времени, но корейское предложение указывает на настоящее время.

(15)

Погогочут — и перестанут...	<i>kwekkwekgoridaga</i>	<i>god</i>	<i>gchi-n-danikayo</i>
	‘гоготать и’ непрош. вр. + окон. глагола.’		‘переставать + показ.’

В примере (15) глаголы СВ *погогочут* и *перестанут* переведены на корейский язык без модальных показателей и с показателем непрошедшего времени «-n-». Поэтому в корейском переводе контекст указывает на настоящее время. Следует отметить, что в русском тексте формы простого будущего не выражают значения будущего времени, но имеют значение настоящего неактуального — возможность осуществления действия представлена как свойство субъекта [Бондарко 1971: 106-107].

Во всех этих примерах, за исключением тринадцатого, русское предложение потенциально может быть переведено с помощью глагольных форм настоящего времени, так как в предложении (14) есть слово «сегодня», а в предложении (15) форма простого будущего использовалась для обозначения настоящего-неактуального. В примере (13) в корейском переводе форма

указывает на настоящее времени, но значение будущего времени выявляется контекстом. Этот пример является исключением.

Из оставшихся 10 предложений 7 предложений были переведены на корейский язык как побудительные предложения, как в примере (16), (17).

(16)

Мы сегодня уедем отсюда!	<i>onul</i>	<i>yogi-rul</i>	<i>ttonayo!</i>
	‘сегодня’	‘здесь + показ. вин. пад.’	‘давайте уедем’

(17)

Мы будем говорить, как честные люди, как приятели, без обиняков.	<i>uri soljikhage</i>	<i>yegihariro</i>	<i>heyo</i>
	‘мы’	‘честно’	‘говорить’
	сделаем’		

Большинство корейских глагольных форм непрошедшего времени с модальными конструкциями были переведены на русский язык формами будущего времени: с показателем уверенности — 9 предложений из 9, с показателем намерения — 12 из 14 (в 2 случаях все корейские предложения переведены на русский язык с глаголом в форме настоящего времени, как в примере 18, 19).

(18)

<i>obaekmanwon-yi</i> ‘5 миллион вон + показ. род. пад.’ <i>saregum-ul</i> ‘наград + показ. вин. пад.’ <i>duri-gess-umnida</i> ‘дать + мод. показ. намерение + окон. глагола’	‘Мы обещаем вознаграждение в пять миллионов вон’
---	--

(19)

<i>gurihebo-gess-da</i> 'так делать + мод. показ. намерение + окон. глагола'	'Если в этом случае нам удастся найти маму, то я готов. '
---	---

В предложении (18) глагол в русском переводе имеет форму настоящего времени, хотя в корейском предложении при глаголе есть модальный показатель «-gess-», который имеет модальное значение намерения и с помощью которого выражается значение будущего времени. Однако сам этот глагол имеет модальное значение намерения и используется как модальная рамка.

В примере (19) мы наблюдаем нечто подобное. Хотя в корейском предложении глагол имеет модальный показатель «-gess-», который имеет модальное значение намерения и с помощью которого выражается значение будущего времени, в русском переводе использовалось краткое прилагательное в форме настоящего времени. Но следует отметить, что переведенные русские предложения являются условными, и в придаточном предложении был использован глагол в форме простого будущего.

Из всего сказанного можно заключить, что в корейском языке при употреблении формы непрошедшего времени временную семантику определяет наличие или отсутствие модального показателя. Эта особенность позволяет проанализировать характер отношений между формами будущего времени СВ или НСВ и модальными значениями этих форм сквозь призму корейского текста.

Согласно результатам анализа перевода пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехова русские результативные глаголы СВ во многих случаях (10 предложений из 27)

были переведены на корейский язык с показателями «-gess-» и «-lgo-», которые выражают модальное значение уверенности¹⁰

Среди оставшихся 17 предложений 7 были переведены на корейский язык с модальным показателем намерения, 2 предложения — с модальным показателем возможности, 3 предложения переведены без модальных показателей, как в примерах (13), (14), (15) и 5 предложений были переведены как побудительные предложения, как в примере (16), (17).

Следующие 10 предложений (примеры 20-29) — примеры того, как русские результативные глаголы СВ могут быть переведены на корейский язык с показателями «-gess-» и «-lgo-», которые выражают модальное значение уверенности.

(20)

<p>Может, водочки выпьешь?</p>	<p><i>amado</i> <i>ige</i> <i>vodka-ramjon</i> ‘может-быть’ ‘это’ водка + если <i>dshi-gess-jiyo?</i> ‘выпить + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’</p>
------------------------------------	---

(21)

<p>Сейчас идет дождь, и все в природе</p>	<p><i>jayontanmul-un</i> <i>sengi-rul</i> ‘все природы + показ. им. пад.’ ‘освежение + показ. вин. пад.’</p>
---	---

¹⁰ Показатель «-gess-» в корейском языке используется тогда, когда говорящий уверен в том, что действие будет совершено, поэтому иногда этот показатель может выражать также модальное значение намерения. Отличить эти значения друг от друга помогает контекст. Здесь во всех 10 примерах показатель «-gess-» выражает уверенность. Показатель «-lgo» используется для выражения меньшей степени уверенности.

свежится и легко	<i>doechat-gess-ji</i>
вздохнет.	‘найти + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’

(22)

Уже	не	<i>saranghajian-gess-ji</i>
полюблю.		‘не любить + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола.’

В примере (20), (21) и (22) при переводе русской формы СВ на корейский язык эксплицитное выражение получает модальное значение уверенности (при помощи формы «-gess-»). В свою очередь грамматическое значение будущего времени является логическим следствием модальной семантики.

Следует отметить, что в корейском языке значение уверенности, которое выражается модальным показателем, может быть усилено лексическими средствами — дополнениями «amado» (может-быть), «hwaksilhi» (наверняка), «jolmalro» (точно) и т.д., как в примере (20).

В примере (20) в русском предложении представлен вопрос. В корейском же переводе вопрос преобразован в условное предложение, где выражена уверенность в том, что Астров выпьет, если предлагаемый напиток именно водка.

В примере (21) русские глаголы «освежиться» и «вздохнуть» на корейский язык были переведены глагольным оборотом «sengi-rul doechat» (найти освежение).

(23)

	<i>joja-nin</i>	<i>na-rul</i>
Он меня	‘он + показ. им. пад.’	‘я + показ. вин. пад.’
заговорит.	<i>pigonhage</i>	<i>mandu-lgo-ya</i>
	‘усталым’	‘сдалать + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’

(24)

Мы услышим ангелов.	<i>chonsadol-yi</i>	<i>sori-ga</i>
	‘ангелы + показ. род. пад.’	‘звук + показ. им. пад.’
	<i>dulri-lgo-eyo</i>	
	‘услышать + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’	

(25)

Нянька, ведь не помянут!	<i>уито</i>	<i>gunomdul-un</i>	<i>ijo-bori-lgo-eyo!</i>
	‘нянька’	‘они + показ. им. пад.’	‘забыть + служ. глагол ‘бросить’ + мод. показ. «уверенности» + окон. глагола’

(26)

увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную	<i>uri-nun</i>	
	‘мы + показ. им. пад.’	
	<i>balgo</i>	<i>arumdaun</i>
	‘светлый’	‘прекрасный’
	<i>sesang-ul</i>	<i>boge-doe-lgo-eyo</i>
	‘мир + показ. вин. пад.’	
	‘видеть + забыть + служ. глагол «стать» + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’	

(27)

Мы отдохнем!	<i>uri-nun</i>	
	‘мы + показ. им. пад.’	
	<i>shige-doe-lgo-eyo</i>	
	‘отдохнуть + служ. глагол «стать» + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’	

(28)

мы увидим все небо в алмазах	<i>uri-nun</i> 'мы + показ. им. пад.' <i>daiamondyu-yi</i> 'алмаз + показ. род. пад.' <i>hanul-ul</i> 'небо + показ. им. пад.' <i>boge-doe-lgo-eyo</i> 'увидеть + служ. глагол «стать» + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола'
------------------------------	--

(29)

Мы отдохнем! (Обнимает его.)	<i>uri-nun</i> 'мы + показ. им. пад.' <i>shige-doe-lgo-eyo</i> 'отдохнуть + служ. глагол «стать» + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола'
---------------------------------	--

В примере (23), (24), (25), (26), (27), (28) и (29) при переводе русской формы СВ на корейский язык эксплицитное выражение получает модальное значение уверенности (при помощи формы «-lgo-»). В свою очередь грамматическое значение будущего времени является логическим следствием модальной семантики.

В примере (23) русский глагол «заговорить» на корейский язык был переведён глагольным оборотом «*pigonhage mandu*» (сделать усталым).

В примере (25) значение завершенности или результативности в корейском предложении эксплицитно выражено служебным глаголом «*bori*» (бросить), в примерах (26), (27), (28) и (29) значение завершенности или результативности в корейском предложении эксплицитно выражено с помощью служебного глагола «*doe*» (стать).

Отмеченные закономерности подтверждаются также анализом перевода корейского романа на русский язык. Среди корейских предложений, где были использованы глаголы, выражающие высокую степень уверенности (глаголы с показателями «-gess-», «-lgo-»), почти все предложения (8 из 9) были переведены именно с помощью глаголов СВ, как в следующих примерах (примерах 30-37).

(30)

<p><i>olke-ga</i> ‘тетя + показ. им. пад.’ <i>juk-gess-oyo?</i> ‘умереть + мод. показатель. «уверенность» + окон. глагола’</p>	<p>‘Неужели она умрет’</p>
--	----------------------------

Как было сказано выше, в корейском языке граммема прошедшего времени имеет формальный показатель «-ss-». Его наличие в предложении однозначно указывает на то, что действие было совершено в прошлом. Если его нет, то это действие интерпретируется как совершающееся в настоящем или в будущем. В свою очередь будущее время выражается с помощью модальных показателей. В примере (30) модальный показатель «-gess-», который имеет значение уверенности, указывает на будущее время. Следует отметить, что это предложение с модальным показателем уверенности переведено на русский язык с глаголом СВ.

(31)

<p><i>jib-edo</i> ‘дом + показ. дат. пад.’ <i>ppali ga-gess-gumon</i> ‘быстро’ ‘идти + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’</p>	<p><i>do</i> ‘более’</p>	<p>‘сможете идти быстрее и скорее доберетесь до дома’</p>
---	------------------------------	---

(32)

<i>tto</i> ‘и’ <i>chajao-gess-ji</i> ‘наступить + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’	<i>gyoul-un</i> ‘зима + показ. им. пад.’	‘и снова наступит зима’
---	---	-----------------------------------

В примере (31) и (32) в корейском предложении модальный показатель «-*gess-*», который имеет значение уверенности, также указывает на будущее время. Следует отметить, что оба эти предложения переведены на русский язык с помощью глаголов СВ.

(33)

<i>ssaunge-doe-lgo-da</i> ‘ссорить + служ. глагол ‘стать’ + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’	‘Если вы сейчас не разойдетесь, то споры никогда не утихнут. ’
---	---

(34)

<i>sok-i</i> ‘внутри + показ. им. пад.’ <i>ppongttuligidoha-lgo-da</i> ‘продырявиться + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’	ты все равно ощутишь необыкновенную легкость
---	--

(35)

<i>dangshin-do</i> ‘вы + тоже’ <i>nunbushi-lgo-ne</i> ‘удивиться + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола’	‘Ты удивишься , увидев эти саваны’
--	---

(36)

<i>ottokhebyonhadun</i> <i>oppa-rul</i> 'несмотря как изменит' 'брат + показ. вин. пад.' <i>alabo-lgo-da</i> 'узнать + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола'	'она всегда узнает его'
---	--------------------------------

В примере (33), (34), (35) и (36) в корейском предложении модальный показатель «-lgo-», который имеет значение уверенности, указывает на будущее время. Все эти предложения также переведены на русский язык с помощью глаголов СВ.

(37)

<i>oaso</i> <i>boaju-lgo-indi</i> 'придут и' 'позаботиться + мод. показ. «уверенность» + окон. глагола'	'они придут и обо всем позаботятся '
---	--

В примере (37) в корейском предложении 2 глагола – «оа» (прийти) и «воају» (позаботиться). В этом предложении значение будущего времени двух глаголов выражается модальным показателем «-lgo-», который имеет значение уверенности. Форма «-so» обычно означает порядок и соединение событий. Поэтому, хотя модальный показатель имеет только второй глагол, все 2 глагола могут быть переведены на русский язык формами будущего времени. Примечательно, что это предложение переведено на русский язык с помощью глаголов СВ.

Был один пример, где корейское предложение, имеющее модальный показатель уверенности «-lgo-», переведено на русский язык с помощью глагола НСВ, как в примере (38). Здесь несмотря на то, что в корейском предложении

есть модальный показатель уверенности «-lgo-», в русском переводе глагол имеет форму не СВ, а НСВ. Можно предположить, что при переводе был использован глагол НСВ, чтобы подчеркнуть непрерывность процесса «ПОМНИТЬ».

(38)

<i>ttal-un</i> ‘дочь + показ. им. пад.’ <i>giokha-lgo-da</i> ‘помнить + показ. мод. «уверенность» + окон. глагола’	‘ТВОЯ дочь всегда будет ПОМНИТЬ ’
--	--

Таким образом, рассмотренный нами переводной материал показывает, что корейские модальные конструкции со значением уверенности и глагольной формой не прошедшего времени чаще всего переводятся на русский язык формами простого будущего. Это соотношение подтверждается и переводами с русского языка на корейский.

Среди проанализированных примеров было 7 случаев (из 27), когда русские глаголы СВ были переведены на корейский язык с показателями «-gess-», «-lte-», «-ryon-», выражающими модальное значение намерения, как в следующих примерах (примерах 39-45). Надо уделить внимание тому, что в 6 предложениях из 7 русский глагол имел форму 1-ого лица.

(39)

Ничего... Я уйду...	<i>amugotdo</i>	<i>anida</i>	<i>iman</i>
	‘ничего’	‘нет’	‘теперь’
	<i>gabo-ryon-da</i> ‘идти + мод. показ. «намерение» + окон. глагола’		

(40)

Я допрошу его осторожно.	<i>josimheso mulobo-lge</i> 'осторожно' 'допросить + мод. показ. «намерение» '
------------------------------------	--

(41)

Допросим его теперь же.	<i>jigumdangjang mulobo-lge</i> 'теперь же' 'допросить + мод. показ. «намерение» '
--------------------------------	--

(42)

Я уйду .	<i>gaya-gess-o</i> 'идти + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'
-----------------	---

(43)

Извольте, я пойду к нему.	<i>ne-ga danyo-gess-o</i> 'я + показ. им. пад.' 'ездить + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'
-------------------------------------	--

(44)

Ничего... Я уйду ...	<i>chado anmashigo</i> 'и чай' 'не выпив' <i>ttonashi-gess-oyo?</i> 'уехать + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'
-----------------------------	--

В примерах (39), (40), (41), (42), (43) и (44) при переводе русской формы СВ на корейский язык эксплицитное выражение получает модальное значение намерения (при помощи формы «-ryon-», «-lge-» и «-gess-»). Здесь

грамматическое значение будущего времени в корейском переводе является логическим следствием модальной семантики.

Седьмое предложение в примере (45), где русский глагол не имел форму 1-ого лица, было переведено на корейский язык с модальным показателем "намерение". Таким образом, в данном примере значение намерения не связано с формой 1-ого лица глагола.

(45)

И долго они еще здесь проживут?	<i>gubundul-un</i> ‘они + показ. им. пад.’ <i>olmana jinesh-indago</i> ‘как долго’ ‘прожить + мод. показ. «намерение»’ <i>hadonga?</i> ‘говорят’	<i>yogiso</i> ‘здесь’
------------------------------------	---	--------------------------

В примере (45) при переводе русской формы СВ *проживут* на корейский язык эксплицитное выражение получает модальное значение намерения (при помощи формы «-indago»). Грамматическое значение будущего времени, как и в предыдущих случаях, является логическим следствием модальной семантики.

Полученный результат соответствует результату анализа перевода корейского романа на русский язык. Среди 14 переводных предложений, где имеются модальные конструкции со значением намерения (-gess-, -lge-, -yajj-), большинство предложений (11 из 14, т. е. 78.5%) были переведены на русский язык с помощью глаголов СВ, как следующие примеры (пример 46-56). Следует отметить, что во всех этих предложениях субъектом действия является говорящий.

(46)

<i>sare-rul</i> 'наград + показ. вин. пад.' <i>ha-gess-umnida</i> 'сделать + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'	<i>sobsobjiange</i> 'щедро' Мы щедро вознаградим вас.'
--	---

(47)

<i>ne-ga</i> 'я + показ. им. пад.' <i>gaboaya-gess-da</i> 'идти + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'	Я собираюсь все выяснить.'
---	---------------------------------------

(48)

<i>sare-rul</i> 'наград + показ. вин. пад.' <i>ha-gess-da</i> 'сделать + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'	Я дам вам немного денег, если вы хотя бы расскажете, что выделите.'
--	--

(49)

<i>josangnim</i> 'предки' <i>danyoo-gess-umnida</i> 'ездить + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'	<i>jal</i> 'хорошо' Предки, я скоро вернусь.'
---	--

(50)

<i>jonhwa-rul</i> 'телефон + показ. вин. пад.' <i>goloju-gess-da</i> 'звонить + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'	'Я позвоню туда.'
---	--------------------------

(51)

<i>tonjo</i> <i>anneha-gess-umnida</i> 'заранее' 'информировать + мод. показ. «намерение» + окон. глагола'	'Я заранее расскажу вам о самых интересных вещах.'
---	---

Показатель «-gess-» используется тогда, когда говорящий уверен в том, что действие будет совершено. Поэтому этот показатель может означать «уверенность» и «намерение». В примере (46), (47), (48), (49), (50) и (51) в корейском предложении модальный показатель «-gess», который имеет значение намерения, указывает на будущее время.

Интересно, что в примере (49) глагол в форме СВ «вернусь» в русском переводе выражает не только значение намерения, но и значение уверенности в совершении действия, хотя в корейском предложении это значение отсутствует.

(52)

<i>ne-ga</i> <i>ha-lge</i> 'я + показ. им. пад.' 'сделать + мод. показ. «намерение»' <i>отта</i> 'мама'	'Я все сделаю сама, мама.'
---	-----------------------------------

(53)

<i>ne-ga</i> ‘я + показ. им. пад.’	<i>jonhwa</i> ‘телефон’	‘Я перезвоню.’
<i>dashi ha-lge-yo</i> ‘ещё’ ‘сделать + мод. показ. «намерение» + окон. глагола’		

В примере (52), (53) в корейском предложении модальный показатель «-lge», который имеет значение намерения, указывает на будущее время.

(54)

<i>bangduge</i> ‘две комнаты’	<i>itnun</i> ‘имеющее’	‘Перееду в двухкомнатную квартиру.’
<i>gos-uro</i> ‘место + показ. дат. пад.’	<i>omgio-yaji</i> ‘переехать + мод. показ. «намерение»’	

(55)

<i>i</i> ‘этот’	<i>doshi-e</i> ‘город + показ. мес. пад.’	<i>oso</i> ‘скорее’	‘Я куплю дом в городе.’
<i>jib-ul</i> ‘дом + показ. вин. пад.’	<i>gajo-yaji</i> ‘иметь + мод. показ. «намерение»’		

(56)

<i>jonsejib-ul</i> ‘снятый дом + показ. вин. пад.’		‘Я сниму дом.’
<i>odo-yaji</i> ‘снимать + мод. показ. «намерение»’		

В примере (54), (55) и (56) в корейском предложении модальный показатель «-уајі», который имеет значение намерения, указывает на будущее время. Окончание «-уајі» в корейском языке используется только в разговорной речи.

Из всего сказанного можно заключить, что существует тесная связь форм первого лица со значением намерения.

4. Выводы

Проведенное сопоставление русских и корейских предложений наглядно продемонстрировало разные стратегии в выражении предстоящих действий в сравниваемых языках как с точки зрения модальности, так и аспектуальности.

Русский язык при помощи категории вида актуализирует аспектуальные характеристики действия, прежде всего кратность, результативность / нерезультативность, а модальная интерпретация действия эксплицитно не выражается, несмотря на то, что русский язык обладает большими лексическими возможностями в выражении самых разнообразных нюансов субъективной модальности.

В корейском языке, напротив, при помощи модальных показателей эксплицитно выражается модальная интерпретация, и ею определяется значение будущего времени, а аспектуальное значение обычно выражается имплицитно. Есть случаи, когда аспектуальное значение выражается лексически или служебными глаголами, однако эти случаи довольно редки.

При переводе корейских модальных конструкций на русский язык в большинстве случаев предпочтение отдается форме будущего, а о модальных характеристиках действий, которые предстоит осуществить, можно только догадываться. В корейском же языке, напротив, именно модальные значения – уверенность, намерение, желание, возможность – получают эксплицитное выражение, а аспектуальные и темпоральные характеристики вытекают из общего контекста и могут остаться неопределенными. Лишь в отдельных

случаях аспектуальные характеристики в корейском языке выражаются эксплицитно при помощи вспомогательных глаголов и лексических показателей типа *за два года, долго*.

Интересно также дополнительное наблюдение, которое было выявлено при сопоставлении русско-корейского и корейско-русского переводов двух литературных произведений, а именно: тесная связь русских форм простого будущего с модальным значением уверенности, а в форме первого лица – со значением намерения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании полученных результатов исследования, изложенных в главах (2, 3 и 4), были сделаны следующие выводы.

1. Проведенное нами исследование подтвердило тесные связи категорий вида, времени и модальности в плане будущего времени, а также предположение о влиянии семантических и формальных особенностей глаголов СВ и НСВ на частотность их использования в формах будущего времени.

В пределах всего Национального корпуса русского языка была выявлена большая частотность глаголов НСВ, чем глаголов СВ (во всех формах) – в соотношении 54,90% к 45,10%. Это соответствует немаркированному характеру НСВ как члена видовой оппозиции. Однако согласно нашим данным, полученным в ходе анализа частотности парных глаголов обоих видов, глаголы СВ в прошедшем и будущем времени значительно частотнее соответствующих парных глаголов НСВ. Особенно значительна разница в употребительности видов в плане будущего времени. Похожие данные были получены при анализе частотности употребления видов с помощью статистической системы Google-Books-Ngram.

По-видимому, противоречие между этими двумя группами данных объясняется отсутствием в нашей выборке непарных глаголов НСВ, а также тем, что в нашем случае рассматривалась частотность употребления видов в каждом из времен, где возможно употребление обоих видов. Надо учитывать также, что в значении настоящего актуального и постоянного употребляются только глаголы НСВ, они же преобладают при выражении неактуального настоящего (см. раздел 2.2.1.).

Интересно, что из 23 видовых пар в 18 случаях глаголы СВ частотнее, чем глаголы НСВ во всех временах. При этом в плане прошедшего времени в 6 случаях глаголы СВ (*взять, подписать, бросить, купить, закрыть, найти*) частотнее парных глаголов НСВ (*брать, подписывать, бросать, покупать,*

закрывать, находить) в 4 раза (в остальных случаях в 2 и 3 раза). И лишь формы прошедшего времени СВ *открыл, пристроил и разбил* (во всех родах и числах) используются в 5 раз чаще, чем формы *открывал, пристраивал и разбивал* (во всех родах и числах). Но при этом именно в плане прошедшего времени 5 глаголов НСВ (*учить, красить, редактировать, писать, попадать*) проявили большую частотность, чем глаголы СВ (*научить, покрасить, отредактировать, написать, попасть*) в 2-4 раза. При этом в будущем времени все выбранные глаголы СВ в форме простого будущего частотнее, чем соответствующие парные глаголы НСВ в форме аналитического будущего. И разница в частотности видов в будущем времени значительно больше, чем в прошедшем времени: так, показатель частотности СВ превышает соответствующий показатель НСВ в большинстве случаев в 20 раз. У отдельных глаголов этот показатель достигает 200 раз (*найдет – будет находить*).

Столь существенные расхождения в частотности видов между временными планами мы связываем, во-первых, с особенностями составной формы аналитического будущего (своего рода маркированность формы), во-вторых, с аспектуальной спецификой будущего времени. По данным Е. Ю. Парешнева, у форм аналитического будущего преобладает общефактическое значение (а оно реализуется лишь в определенных контекстных условиях) [Парешнев 2004: 19].

Исходя из всего сказанного, мы, вслед за Е. В. Петрухиной, полагаем, что вопрос о маркированном / немаркированном члене привативной оппозиции должен решаться с учетом не только семантики, но и формы. Так, бóльшая частотность форм простого будущего (в сравнении с формами аналитического будущего) может быть связана не только со спецификой их аспектуальной семантики, но и с более простой формальной организацией [Петрухина 2016].

2. Рассмотрение частотности употребления в составе формы аналитического будущего разных по морфемной структуре синонимичных глаголов НСВ показало преобладание форм простых глаголов НСВ над

производными (из видовых троек). Анализ того же языкового материала с помощью системы Google-Books-Ngram дал такой же результат. Мы полагаем, что это обуславливается как формальными, так семантическими факторами: простые глаголы НСВ проще по морфемной структуре и фонемному составу и, как правило, характеризуются большей многозначностью.

Интересно, что вторичные имперфективы из видовых троек (в рамках нашей выборки глаголов) в формах аналитического будущего в НКРЯ вообще не встречаются, хотя в других формах (настоящего времени и прошедшего времени) некоторые из них характеризуются достаточно высокой частотностью. Вероятно, это также связано с аспектуальной спецификой данных форм. Вторичные имперфективы, актуализирующие направленность действия на его предел и результат, «отталкиваются» от форм аналитического будущего, так как для этих форм из всех частных значений НСВ более характерно общефактическое, представляющее протекание действия в самом общем виде, без актуализации его аспектуальной семантики. Также для данных временных форм характерен синкретизм частных значений НСВ, что в большей степени соответствует аспектуальному характеру простых глаголов НСВ.

3. Специфика будущего времени, к которому относятся действия еще не осуществленные – предполагаемые, планируемые, желаемые и др., определяет связь соответствующих глагольных форм с модальностью. В настоящей диссертации рассматривались имплицитные модальные значения форм будущего времени с использованием классификации модальных значений Д. Ауверы и В. А. Плунгяна, а также условия, влияющие на связь форм будущего времени с модальностью.

Было установлено, что при формах будущего времени четыре типа модальных значений (внутренняя и внешняя возможность, деонтическая модальность, эпистемическая модальность, волитивная модальность) могут быть выражены имплицитно, как результат взаимодействия значения формы и контекста. Согласно нашим наблюдениям, формы будущего времени чаще

связаны с эпистемической модальностью, прежде всего с уверенностью в осуществлении действия. При этом в рассматриваемом нами языковом материале не встретились случаи, где формы будущего времени были использованы именно для выражения деонтической модальности. Преобладание уверенности при имплицитном выражении эпистемической модальности соответствует общей закономерности: когда говорящий высказывается о будущем и не употребляет специальные лексические средства выражения предположения и неуверенности, то в этом случае обычно выражается уверенность в том, что это действие совершится (*Завтра я пойду в театр. Через неделю мы уедем.*). Выводы о реализации модальных значений при формах будущего времени подтверждаются и результатами опроса студентов 2-го курса филологического факультета МГУ, согласно которым наиболее частым имплицитным модальным значением формы будущего времени является уверенность в осуществлении действия.

Была также обнаружена корреляция между типами модальных значений и формами лица. Волитивная модальность чаще выражается в формах 1-ого лица (из 80 примеров с этим значением в 64 случаях – глагол имеет форму 1-ого лица). Употребление форм будущего времени без модальных значений чаще встречается в формах 3-его лица (из 17 примеров было 15 случаев, в которых глагол имел форму 3-его лица). Приведенный языковой материал показывает, что модальные значения могут быть выражены глаголами обоих видов, точно также глаголы СВ и НСВ могут употребляться, не выражая никаких модальных значений.

Кроме того, в определенных условиях контекста модальность форм будущего времени в русском языке может ослабляться. В сложноподчиненных предложениях с придаточным условия действие главного предложения ориентировано на потенциальное действие придаточного, и в этой ориентации модальная окраска главного действия ослабевает. Нечто подобное происходит и в сложных предложениях с придаточным времени, где союз *когда* указывает на

интерпретацию действия говорящим как реального. При этом в анализируемом нами языковом материале формы будущего времени чаще использовались в сложных предложениях с придаточными условными, чем с придаточными времени. Если речь идет о нереперентном употреблении глагольных форм, то временные отношения между действиями в сложноподчиненном предложении устанавливаются в рамках соответствующего текста, что также способствует ослаблению модальности форм будущего времени. Отсутствует модальность и при относительном употреблении форм будущего времени в контексте прошедшего времени, когда они, выражая следование по отношению к действию в прошлом, выражают «будущее в прошедшем».

Языковой материал, проанализированный в настоящей диссертационной работе, свидетельствует о взаимодействии разных модальных смыслов при употреблении форм будущего времени (возможности и вероятности; желания, намерения и уверенности / неуверенности; необходимости и долженствования и т.д.), которые, тем не менее, оставаясь в рамках изъявительного наклонения, не утрачивают связь с реальностью. По всей видимости, имплицитное выражение глагольными формами взаимодействующих модальных интерпретаций еще не осуществленных действий отражает сложное отношение говорящего к будущему в русской языковой картине мира.

4. В данном исследовании представлен взгляд на особенности видо-временной системы русского языка с позиций нерусского языкового мышления. Было проведено сопоставление модальных и аспектуальных характеристик глагола при обозначении предстоящих событий на примере около 70 русских глаголов и их корейских эквивалентов, извлеченных из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», а также из корейского романа Кун-Суук Шина «Пожалуйста, позаботься о маме» (пер. А. Е. Прохорова).

Анализ переводных эквивалентов показал, что русские глаголы в форме будущего времени в большинстве случаев были переведены на корейский язык с помощью модальных конструкций, а большинство корейских глагольных форм

непрошедшего времени в модальных конструкциях были переведены на русский язык формами будущего времени. Полученные результаты позволяют говорить о разных стратегиях при выражении предстоящих действий в сравниваемых языках. В русском языке при выражении будущих действий эксплицитно выражается значение будущего времени и с помощью категории вида актуализируются аспектуальные характеристики действия, а модальность эксплицитно часто не выражается. В корейском же языке, напротив, именно модальные значения – уверенность, намерение, желание, возможность – получают эксплицитное выражение, а аспектуальные и темпоральные характеристики вытекают из общего контекста и могут остаться неопределенными.

Кроме того, русские результативные глаголы СВ во многих случаях были переведены на корейский язык с показателями, выражающими модальное значение «уверенности», а среди корейских предложений, где были использованы глаголы, выражающие высокую степень уверенности, почти все предложения были переведены на русский именно с помощью глаголов СВ, что подтверждает статус значения уверенности как наиболее частотного среди имплицитно выражаемых модальных значений форм будущего времени. Корреляция между формой первого лица глагола и выражением модального значения «намерения» подтверждается тем, что большинство русских результативных глаголов СВ в форме первого лица были переведены на корейский язык с показателями, выражающими модальное значение «намерения», а большинство корейских предложений, где имеются модальные конструкции со значением намерения, были переведены на русский язык с помощью глаголов СВ, и во всех этих предложениях субъектом действия является говорящий.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АГ-70. Академическая грамматика русского языка. М., 1970.
2. Агеева И. В. К вопросу о языковой категории модальности // Актуальные проблемы лингвистики 21 века: сборник статей по материалам международной конференции. Киров, 2006.
3. Аксаков К. О русских глаголах. М.: Книга по требованию, 2016.
4. Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения. М., 1974.
5. Апресян Ю. Д. Морфологическая информация для толкового словаря // Словарные категории. М., 1988а.
6. Апресян Ю. Д. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988б.
7. Апресян Ю. Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // ТАСФ. Т. 2. М., 1997.
8. Апресян Ю. Д. Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
9. Арутюнова Н. Д. Будущее в языке // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
10. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
11. Арутюнова Н. Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
12. Арутюнова Н. Д. От редактора // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
13. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
14. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1995.
15. Балли Ш. Французская Стилистика. М.: УРСС, 2001.
16. Барентсен А. К описанию семантики категорий 'вид' и 'время' (на материале современного русского литературного языка) // Tijdschrift voor

- Slavische taal- en letterkunde 2, 1973. С. 5-32.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
 18. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
 19. Бондарко А. В. Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и. яз. Т. 50. №3, 1991.
 20. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
 21. Бондарко А. В. Семантика предела // Вопросы языкознания, №1, 1986.
 22. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. М., 1976.
 23. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
 24. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
 25. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
 26. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
 27. Виноградов В. В. Русский Язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
 28. Володин А. П., Храковский В. С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
 29. Всеволодова М. В. Некоторые случаи выражения времени в русском языке. // Russian Linguistics, №13 серия 2, 1989.
 30. Всеволодова М. В. Некоторые случаи выражения времени в русском языке // Russian Linguistics, №10 серия 3, 1986.
 31. Гак В. Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
 32. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // Вопросы языкознания №2, 1990.

33. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
34. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.
35. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
36. Горбова Е. В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания, №4, 2011.
37. Горбова Е. В. Русский вид в контексте футурума // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст (verbal aspect: grammatical meaning and context). Ред. Р. Бенаккьо. Verlag Otto Sagner München – Berlin – Washington, 2015.
38. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. М.: Книга по требованию, 2016.
39. Ефрамова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка в 3 томах. М.: АСТ, 2006.
40. Зализняк А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
41. Зализняк А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания, №1, 2010.
42. Зализняк А., Микаэлян И. Л. Видовые Тройки в русской аспектуальной системе // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международной конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20-23 марта 2007). Труды и материалы. М., 2007.
43. Зализняк А., Шмелев А. Д. Типы видовой связи // Труды международного семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям Т. 1. Аксаково, 2001.
44. Золотова Г. А. Глагольный вид с точки зрения текста // Семантика и

- структура славянского вида I. Kraków, 1995.
45. Золотова Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания, №3, 2002.
 46. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 47. Иванов В. В. Становление аналитической формы будущего времени в русском языке // Русский язык: функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
 48. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть 2. Братислава, 1960.
 49. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
 50. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. М., 2004.
 51. Карцевский С. И. Система русского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
 52. Климонов В. Д. Взаимодействие модальности и аспектуальности в русском языке // Глагольный вид: грамматическое значение и контекст (verbal aspect: grammatical meaning and context). Ред. Р. Бенаккьо. Verlag Otto Sagner München – Berlin – Washington, 2015.
 53. Климонов В. Д. Влияние развития видов на формирование словарного состава русского языка // Глагольные вид и лексикография. Семантика и структура славянского вида. Munchen: Verlag Otto Sagner. С. 169-191, 2006
 54. Климонов В. Д. Взаимодействие семантики вида и семантики времени в системе видо-временных форм русского глагола // Основные проблемы русской аспектологии. Санкт-Петербург, 2002.
 55. Клобуков Е. В. Наклонение // Современный русский литературный язык. Под ред. П. А. Леканта М., 2009.
 56. Князев Ю. П. Будущее время в русском языке: время, модальность и вид // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Избыточность в грамматическом строе языка. Т. 10, Ч. 2. Санкт-Петербург, 2014.
 57. Князев Ю. П. Будущее как смена ситуаций: время и вид // Логический

- анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
58. Князев Ю. П. Видовое противопоставление в предложениях с формами будущего времени в русском языке // Круглый стол "Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы" (12-14 марта 2009 г.), 2009.
59. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
60. Князев Ю. П. Типология вида и русский глагольный вид // ТАСФ. Т. 2. М., 1997.
61. Краснова Т. И. Субъективность - Модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.
62. Красухин К. Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
63. Кронгауз М. А. Глагольная приставка, или координата времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
64. Кряжев М. Г. Вернуться и возвратиться: разные модели будущего // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
65. Кулилович Е. Miejsce aspektu w systemie konjugacyjnym // Symbollae Polonicae in honorem Stanisłai Jodłowski. Kraków, 1972.
66. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
67. Лазуткина Е. М. Оценки будущего в предложении и тексте // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
68. Ли Вон Бок., Петрухина Е. В. К вопросу об изучении русского глагольного вида в корейской аудитории // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 6. М., 1998.
69. Логунов Т. А. Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен: на материале английского и русского языков // Автореферат Дис. ... Канд. Филол. Наук. Кемерово, 2007.

70. Ломов А. М. Категория глагольного вида и ее взаимоотношение с контекстом // Вопросы языкознания №6, 1975.
71. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
72. ЛЭС. Лингвистический энциклопедический Словарь. Под ред. В. Н. Ярцева. М., 1990
73. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
74. Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М., 1963.
75. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
76. Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996.
77. Мелиг Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (К классификации глаголов Зино Вендлера) // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985.
78. Мучник И. П. О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке // Вопросы языкознания, №6, 1956.
79. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. М.: Книга по требованию, 2016.
80. Николаев В. Некоторые данные о частотности употребления падежных форм в современном русском литературном языке // Русский язык в национальной школе. №5. С. 19-26, 1960.
81. Никонов В. А. Статистика падежей // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 3(10). М., 1959.
82. НКРЯ. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru.
83. Падучева Е. В. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // Известия РАН. Серия литературы и языка 69, №3, 2010.
84. Падучева Е. В. К поискам инварианта в значении глагольных видов: вид и лексическое значение глагола // НТИ, №12, 1989.
85. Падучева Е. В. Некоторые вопросы изучения категории времени в

- современном русском языке // Вопросы языкознания, №3, 1962.
86. Падучева Е. В. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // R Ling, V. 22, 1998.
87. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика Нарратива. М., 1996.
88. Палкин А. Д. По поводу амбивалентности будущего времени в японском языке // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
89. Парешнев Е. Ю. Аспектуальная характеристика высказываний с формами сложного будущего времени в современном русском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.
90. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: УРСС, 2012.
91. Петрухина Е. В. Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики, №3, 2015.
92. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований). М., 2009.
93. Петрухина Е. В. Объяснительная теория славянского глагола вида // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, №5, 2009.
94. Петрухина Е. В. Лекции для бакалавров 2-го курса русского отделения «Морфология современного русского языка», февраль-май, 2016.
95. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
96. Плунгян В. А. Общая морфология. М., 2000.
97. Потехня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2. Глагол. М., 1977.
98. Потехня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

99. Радбиль Т. Б. Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме "Реальность-Текст". Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
100. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
101. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М., 2010.
102. РГ-80. Русская Грамматика. М., 1980.
103. Самедова Н. Г. К вопросу о форме будущего времени глаголов несовершенного вида в современном русском языке. Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
104. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2004.
105. Татевосов С. Г. Первичное и вторичное в структуре имперфективов. Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Избыточность в грамматическом строе языка. Т. 4, Ч. 2. Санкт-Петербург, 2010.
106. Трофименко О. А. Выделение показателей категории наклонения в корейском языке. Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, №20, 3, 2006.
107. Туровская С. Н. Употребление вида глагола в высказываниях с модальным смыслом необходимости (к вопросу о доле участия вида в формировании модального значения). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
108. ТФГ. Теория Функциональной Грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
109. ТФГ. Теория Функциональной Грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
110. ТФГ. Теория Функциональной Грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
111. Фичи Джустини. Видовые отношения в будущем времени в русском

- и других славянских языках. Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997.
112. Хонг Тэк-Гю. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М., 2003.
113. Храковский В. С. Аспектуальные тройки и видовые пары. Русский язык в научном освещении, №9, 2005.
114. Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (опыт анализа). Вопросы языкознания, №5, 1990.
115. Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение. От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко. М., 2012.
116. Храковский В. С. Семантика и типология императива: русский императив. Под ред. А. П. Володина. Л., 1986.
117. Черткова М. Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
118. Черткова М. Ю. Инварианты русского вида и аспектуальные универсалии. ТАСФ. Т. 1. М., 1997.
119. Шарандин А. Л. Интегративная концептуализация в морфологии // Когнитивные исследования языка. Выпуск 4. Концептуализация мира в языке. Москва-Тамбов, 2009а.
120. Шарандин А. Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов, 2009б.
121. Шарандин А. Л. Языковая категоризация времени как отражение русской ментальности // Слово в языке и тексте: Сборник статей к 85-летию со дня рождения С. П. Лопушанской. Волгоград, 2011.
122. Шарандин А. Л. Категория лица и числа русского глагола в аспекте взаимодействия лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса // Когнитивные исследования языка. Вып. 13: Ментальные основы языка как

- функциональной системы. Москва-Тамбов, 2013.
123. Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М., 2009.
 124. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М., 1996.
 125. Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008.
 126. Шелякин М. А. О спорных вопросах русской аспектологии. ТАСФ. Т. 1. М., 1997.
 127. Шмелев А. Д. Имперфективация и видовая корреляция. *Aspekte, kategorien und kontakte slavischer sprachen. Festschrift fur Lehmann zum 65. Hamburg, 2008.*
 128. Шмелев А. Д. Парадоксы референции к будущему // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
 129. Штейнфельд Э. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.
 130. Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.
 131. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
 132. Ясаи Л. О принципах выделения видовой пары в русском языке. Вопросы языкознания, №4, 1997.
 133. Ясаи Л. О Специфике вторичных имперфективов видовых корреляций // Исследования по языкознанию: к 70-летию чл. -корр. РАН А. В. Бондарко. СПб., 2001.
 134. Abraham W., Leiss E. Modality-aspect interfaces: implications and typological solutions. *Typological studies in language 79. Philadelphia, 2008.*
 135. Auwera J. V., Plungian V. A. Modality's Semantic map. *Linguistic typology 2, 1998.*
 136. Bybee J. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. London: Chicago Press, 1994.

137. Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
138. Comrie B. Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
139. Dickey S. M. Parameters of slavic aspect. A cognitive approach. Stanford: CSLI Publications, 2000.
140. Dressler W. Naturalness and morphological change // The handbook of historical linguistics (Ed. Joseph B. D. and Janda R. D.). Oxford: Blackwell, 2003.
141. Fillmore C. Construction grammar coursebook. University of California at Berkeley Department of linguistics, 1993.
142. Fillmore C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone. Language 64, no. 3, 1988.
143. Forsyth J. A grammar of aspect. Cambridge: Cambridge Press, 1970.
144. Goldberg A. Constructions at work: the nature of generalization in language. Oxford University Press, 2006.
145. Goldberg A. Constructions. A construction grammar approach to argument Structure. Chicag, 1995.
146. Grenoble L. The imperfective futuer tense in Russian // Journal of the linguistics circle of New York 46, no. 2, 1995.
147. Grenoble L. The Russian future: tense or mood? Enangered languages. Les presses de l'universite Laval., 1993.
148. Gries S. Cluster analysis and the identification of collexeme classes. Experimental and empirical methods in the study of conceptual structure, discourse, and language. Stanford, 2010.
149. Gries S. Corpus-based methods and cognitive semantics: the many meanings of to run. Corpora in cognitive linguistics: corpus-based approaches to syntax and lexis. New York, 2006.
150. Janda L. A. Aspectual clusters of Russian verbs. Studies in language №31, no. 3, 2007.
151. Janda L. A. A User-friendly conceptualization of aspect // Slavic and

- east european journal №47, 2003.
152. Kiefer F. Modality and pragmatics. *Folia linguistica* 31 (3-4), 1997.
 153. Klimonov V., Leiss E. The connections between modality, aspectuality and temporality in modern Russian. *Modality-aspect interfaces: implications and typological solutions*. John Benjamins Publishing Company. Philadelphia, 2008.
 154. Lee Ik Sop. *Hankuko munbob* (a grammar of the Korean language). Seoul: SNU Press, 2009.
 155. Lee Jae Seong. *Hankukoyi sijewa sang* (tense and aspect of the Korean language). Seoul, 2001.
 156. Lyons J. *Semantics*. Vol. 2. Cambridge, 1977.
 157. Palmer F. R. *Mood and modality* (second edition). Cambridge, 2001.
 158. Park Dok Yu. *Hankukoyi sangihe* (the understanding of Korean aspect). Seoul, 2007.
 159. Schmid H. J., Kuchenhoff H. Collostructional analysis and other ways of measuring lexicogrammatical attraction: theoretical premises, practical problems and cognitive underpaintings // *Cognitive linguistics* 24, no. 3, 2013.
 160. Searle J. *Intentionality: an essay in the philosophy of mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
 161. Shmelev A., Zalizniak A. Aspect, modality, and closely-related categories: the case of Russian. *Societas linguistica europaea* 39th annual meeting. Universitat Bremen, 2006.
 162. Smith C. S. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1991.
 163. Stefanowitsch, A., Gries S. T. Collostructions: investigating the interaction of words and constructions. // *International journal of corpus linguistics* 8, no. 2, 2003.
 164. Vendler Z. *Verbs and times*. *Linguistics in philosophy*, Ithaca. New York, 1967.

165. Veyrenc J. Etudes sur le verbe Russe. Paris, 1980.
166. Wiemer B. Aspect choice in modal contexts: Russian and the other slavic languages. Societas linguistica europaea 39th annual meeting. Universitat Bremen, 2006.